

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Смутные времена. Книга 4

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Смутные времена. Книга 4 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Как это не прискорбно осознавать, но вся История России - Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми, совершенно случайны. Продолжение Жуликов и Авантюристов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

А в "мазаришарифке" Вениамин метался в панике от Михаила к Сергею, не зная, что предпринять. Оба находились без сознания, а необходимо было прежде всего освободить их от "Завесы", но без их помощи сделать это было невозможно. От осознания собственного бессилия Вениамин пнул подвернувшегося под ноги "прапора", заорав на него

будто это был не робот, а живое существо:

– Пшел на хрен. Чтобы я тебя здесь не видел, сучий потрох,— и тут же опомнившись, извинился опять же так будто обидел ни за что разумную тварь.— Извини, Кондраха, погорячился. Сам видишь, какая хрень. Делать что? Как их вынуть из этих "Завес"?— вопросы Вениамин задал, не ожидая ответа и схватившись за голову, упал в кресло.

– Нужно вернуть сознание объектов,— проворчал "прапор" голосом Силиверстовича.

– Ка-а-а-к!?

– Дать что-нибудь понюхать остро пахнущее. Гидрат аммония имеется в аптечке. Контейнер желтого цвета.

– Ох, я дура-а-а-к. Кондратий, извини еще раз. С меня пол-литра,— заорал Вениамин, потроша аптечку. Найдя ампулу желтого цвета, он вскрыл ее и вылив содержимое на клочок ваты, сунул ее по очереди к лицам Сергея и Михаила.

Сергей при этом сразу открыл глаза и принялся чихать, а Михаил начал стонать и задыхался с хрипом.

– Серега, ты меня слышишь?— заорал радостно Вениамин, воодушевленный первым успехом.

– Оглушил,— улыбнулся Сергей, с трудом шевеля губами.— Орешь, как потерпевший прямо в ухо.

– Ты руками можешь пошевелить? Нужно "Завесу" снять.

– А где мы?— напрягся Сергей.

– Дома уже.

– Дома?— лицо Сергея напряглось еще больше.— Аннушка где?

– Мы дома в "мазаришарифке",— уточнил Вениамин.

– Напугал,— лицо Сергея успокоилось и он попробовал шевельнуть руками, но получилось у него это никак и он виновато взглянул на Вениамина.— Не могу.

– Давай вместе. Я тебе помогу. Нам нужно всего лишь десять раз хлопнуть в ладоши и все. Я сейчас пару браслетов нацеплю и Кондратий еще поможет. Ты только мысленно хотя бы помогай, чтобы все получилось,— Вениамин торопливо принялся фиксировать на руках браслеты и коротко скомандовав "прапору": — Помогай!— присел рядом с Сергеем. Десять хлопков получилось сделать с невероятным трудом в течение минуты и на их счастье система посчитала, что эта интенсивность достаточна для ее дезактивации.

– Кондраша, быстро противоположные матрацы, мазь и прочее в соседнее помещение,— скомандовал Вениамин, поднимая Сергея щелчком в воздух.— Лазарет будем полевой обустраивать в темпе вальса,— уложив Сергея на приготовленное ложе и дав команду "прапору" Кондрату осмотреть пациента, обработав предварительно тело мазью. С Михаилом все оказалось сложнее, нашатырный спирт вызывал у него уже рвотные спазмы, но в сознание приходил он не желал. Привлеченный в качестве помощника второй "прапор" Егор, метался вокруг и кудахтал голосом Федора Леонидовича: — Что делать, что делать?

– Заткнись, Егорка, и берись за левую руку, попробуем согнуть и похлопать без его помощи,— руки Михаила, скованные "Завесой" согнуть не удалось. И Вениамин чуть сам не закудахтал вслед за Егоркой, но вовремя взял себя в руки и подумав о том, что травм у Михаила быть не должно, так как он подвергся скорее всего воздействию магическому, привлек еще

двух прапоров и перенес тело Михаила в помещение лазарета. Уложив его на приготовленное ложе, занялся Сергеем, который уже без одежды лежал весь синий и отблескивал мазью.

– Был он в сознании и даже улыбался, скашивая глаза на суетящегося рядом Кондрашу.

– Закурить дай, Вень,– прошипел он.– Жить-то буду?

– Курение – медленная смерть. Будешь,– Вениамин достал сигарету, прикурил и сунул ее в рот Сергея. Хватило тому всего одной затяжки, после которой он заперхал и Вениамин поспешно выдернул дымящуюся сигарету из его рта.

– О как! Накурился с одного разу,– простонал Сергей.– Как там Миха?

– В коме,– не стал скрывать Вениамин.– Не могу снять "Завесу".

– И не снимай. Ладонь под забрало можешь просунуть?

– Да, к лицу можно прикоснуться, щель позволяет.

– Тогда засунь ему в рот энергетик, чтобы "Завеса" силы не вытянула и через каждые четыре часа повторяй, пока в себя не придет. Иначе загнется от истощения,– Сергей закрыл устало глаза, Эти несколько фраз дались ему с огромным трудом.

– Понял,– обрадовался Вениамин и кинулся к Михаилу.– Кондратий, энергетик, живо.

Драже Михаил проглотил рефлексорно и Вениамин от радости перекрестился и оставив его на попечение "прапора" Егора, занялся опять Сергеем. Находящимся то ли без памяти, то ли уснувшим. Обследовавший его Кондратий, совершенно деревянным голосом доложил, что имеют место множественные переломы и вывихи суставов, а также гематомы и кровоподтеки. Он сыпал медицинскими терминами, проходясь по организму пациента от макушки до пяток и Вениамин понял, что количество травм уже давно перекрыло количество органов и количество костей в скелете. Похоже, что не пострадали только глаза.

– Как будем лечить, профессор?– схватился он опять в отчаянии за голову,– Кондратий опять принялся сыпать терминами, в числе которых прозвучала и ландышевая мазь.

– Где это все взять? У нас только мазь.

– У нас есть все,– невозмутимо возразил "прапор".

– Где?

– В экспозиции медикаментов,– ответил Кондратий.

– Бли-и-и-и-и. Какие же мы самоуверенные идиоты. Где это?

– Контейнер номер 418, на втором уровне.

– Там и ландышевая в запасе имеется?

– Есть и она. В количестве двухсот килограммов, расфасована компактно по сто грамм,– подтвердил его догадку «прапор».

– А я идиот на Амазонке гадюке задницу подставил. Ну мы деби-и-илы. Почему раньше не доложил, Кондрат?

– Конкретного запроса не получал,– опять деревянным голосом ответил "прапор".

– Волоки все, что необходимо, сюда и приступай к лечению,– скомандовал Вениамин и присев рядом с Сергеем, прошептал.– Все будет в порядке, Серега. Сейчас Кондрашка прибежит с лекарствами и в две секунды поставит тебя на ноги.

– Так уж и в две секунды?– откликнулся Сергей, скосив на него глаза.

– Что б я сдох,– обрадовался звукам его голоса Вениамин.– Ну, не в две секунды, конечно – это я образно выразился, но очень быстро. Пару дней, я думаю, повалиться в постели придется.

– Пару я потерплю,– прошептал Сергей, опять отключаясь. А через полчаса он уже лежал подключенный к различной аппаратуре, которую приперли "прапора", буквально опутавшие его всякими трубками и шлангами.

– Это что, а это?– Вениамин расспрашивал Кондратия и удивлялся допотопной медтехнике, которая предусмотрела при лечении практически все, даже калоприемники, заменяющие "утки" и работающие так, что эти функции организма совершались совершенно естественно.

А "прапора" тащили все новые и новые устройства и приборы, превращая лазарет, в нечто среднее между рубкой космического корабля и складом.

– Может, хватит уже этой техники?– спросил Кондратия Вениамин.

– Команда поступила "волоки все",– напомнил Кондратий.

– Что необходимо. А ты сюда весь контейнер решил перетащить?

– Не весь, а только необходимый комплект.

– И сколько там еще этого необходимого?

– Вот еще мышечный стимулятор установим, он совсем небольшой, займет метр кубический пространства и все.

– Слава Богу. Значит так, Кондраша, делай что хочешь, скрипи мозгами, но установи всю эту технику так, чтобы я мог подходить к постели. Эту сторону не загромождай, чтобы хоть стул можно было бы поставить.

– Есть,– Кондратий помчался за мышечным стимулятором, а Вениамин присел рядом с Михаилом, дышащим уже почти нормально и пока не опутанным никакими шлангами и проводами.

– Михаил,– позвал он и глазные яблоки под веками Михаила дернулись.– Уже лучше,– прошептал Вениамин и попробовал согнуть руку Михаила. Это у него не получилось и он вздохнув, пошел на кухню, где Егор приготовил ему кофе. Затем прошел в блок управления и прошелся по базе данных, разыскивая сведения о медпрепаратах и медтехнике. Нашел множество информации, но все это было представлено только в чертежах или в рецептуре и значилось, как не имеющееся в натуральном виде, за исключением аптек.

– Вот так же и Михаил с Сергеем и все остальные просмотрели,– понял он.– А про музей забыли, блин,– войдя в информационную базу музея, Вениамин нашел все тоже самое, причем в нескольких экземплярах. Всего под медтехнику было отведено двенадцать контейнеров, которые и потрошил сейчас Кондратий. Система контроля за перемещениями и убыли экспонатов, уже отметила их перемещение, отразила это в числах. Нашел Вениамин и двести кило мази ландышевой, которая была не только компактно расфасована по сто грамм, но могла быть расфасована в любую тару от ста грамм до десяти килограмм, при необходимости автоматически перемещаемая в нужную.

– Вот и "ведро",– Вениамин задумался глядя, на картинку, которая демонстрировала возможности фасовочные.– А с другой стороны, если бы я не начал собирать компоненты, то не попал бы в Карелию и никогда не встретился с Машенькой. Правильно говорят, что на все воля Божья,– Вениамин поднялся и направился в "домовую часовенку", которая была обустроена коллективно и гордо именовалась ими "наша церквушка".

Начиналась она с иконы Казанской и теперь кроме той первой в "церквушке" их было несколько десятков. Каждый постарался что-то принести и вложить в часовенку свою лепту. Теплились лампадки перед ликами Господа и святых, и Вениамин затеплив у каждой по две свечи, долго стоял перед каждой, мысленно прося помощи рабам Божиим Михаилу и Сергею. Слезы текли по его щекам и он не стеснялся их. Пахло ладаном и свет здесь только от лампадок и свечей, располагал к раздумьям и успокаивал душу. Вышел Вениамин из часовенки совершенно успокоившимся, с просветлившимся лицом и сразу же прошел в лазарет. Там он склонился над Михаилом и спросил тихо:

– Ну как ты?

– Хреново,– послышался ответ, едва слышный.

– Помоги мне, Миш, нужно "Завесу" с тебя снять. Энергию она жрет. Мы в "мазаришарифке". Руки расслабь, не сопротивляйся.

– Понял,– опять едва слышно донеслось до ушей Вениамина и он взяв руки Михаила, почти без усилий похлопал в ладоши.

– Получилось. Сейчас тобой "прапора" займется,– Вениамин снял с головы Михаила защитный шлем и скомандовал замершему рядом "прапору": – Давай.

Фонари, освещающие плавно уходящий вниз тоннель, мигнули и в крошечной тьме впереди вспыхнули две точки.

Как два глаза какого-то существа они светились сначала ровно, потом налились яркостью, высветив пространство вокруг на несколько метров, а затем запульсировали, вытягиваясь в нити, пересекающие тоннель в разных направлениях.

– Лазеры,– крикнул Петр Павлович, почувствовав, что левую его ногу и руку будто ошпарило кипятком.– Силиверстович, защиту живо,– все трое успели укрыться за зеркальным щитом из полированного сапфирола, который Силиверстович обнаружил в "закромах" буквально накануне вечером и долго крутил ролик миллиметров двадцать в диаметре и в метр шириной, пытаясь понять его предназначение. Понятно стало предназначение этой "трости", только обнаружив ее описание в базе оружейки.

– Вот чего нам не хватало во время операции на вилле,– Петр Павлович нажал на торец ролика, мгновенно раскрывая щит и так же мгновенно его собирая. И теперь они втроем укрылись за ним, медленно двигаясь в сторону установки. Петр Павлович переключил флажок предохранителя на "Оспе" в максимальное положение и предупредив:

– Сейчас будет светло, зажмурьтесь,– врезал в сторону предполагаемого противника максимальным импульсом. Плазма с ревом прокатилась под сферическими сводами и похоже не задерживаясь на препятствия, понеслась дальше, выжигая в замкнутом пространстве органику. Несколько истошных воплей, диких раздалось уже в отдалении и все стихло, только потрескивала обугливаясь изоляция на кабелях электропитания и в гарью заполнившемся туннеле стало невозможно находиться без кислородной маски.

– Вперед!– скомандовал Петр Павлович, включая прибор ночного видения с какими-то ультрафиолетовыми дополнениями и одновременно выполняющий роль противогаза. Чадили из-за отсутствия кислорода трупы, в черном камуфляже, разбросанные беспорядочно по туннелю метров на пятьдесят. Всего их оказалось десятка три за прожженной броневой плитой с лазерной установкой и нагнувшись, Петр Павлович выдернул из рук одного из них короткоствольный автомат, похожий на "Узи". Внимательно осмотрев и отстегнув магазин, он сунул его Силиверстовичу, остановившемуся рядом и спросившему:

– Что это за пистоль?

– Аналог нашей ОСП, но менее мощное,– Петр Павлович вцепился в магазин на место и направив ствол на броневую плиту, предупредил:

– Сейчас посмотрим на что оно пригодно. Стреляю в сторону бронешита. Подайте голоса.

– Я рядом,– откликнулся Силиверстович.

– Я правее, от вас в метре,– голос Федора Леонидовича прозвучал сипло, будто маска кислородная его душила.

– Леонидович, что с дикцией?

– Зацепило поверху лазером. Потекло что-то по лбу и, похоже, что теперь дым слегка просачивается во внутрь,– сообщил Федор Леонидович сплошные минусы.

– Возвращайтесь и помогите Вениамину. Здесь у нас запасных комплектов кислородных масок нет.

– Терпимо вполне,– попробовал возразить Федор Леонидович и зашелся в лающем кашле.

– Немедленно домой. Это приказ,– рявкнул на него Петр Павлович и Академик исчез.

– Нам еще одного тут коматозника только не хватало,– проворчал Петр Павлович, давя на спуск. Импульс, вырвавшийся из ствола "Узи" прогудел в сторону бронеплиты и разбился о нее, нагрев в месте контакта до розового цвета.

– Это максимум?– спросил Силиверстович.

– Да. Но учти, если сразу из нескольких стволов дружно врезать, то вполне могут "куру-гриль" сделать из нас в этих "Завесах". Поэтому их здесь так густо посадили. С броней они, правда, лопухнулись почему-то. Слабовата. Дай Бог, чтобы и дальше недооценивали. Вперед. Держи под рукой Щит. Ты слева, я справа, в состоянии левитации. Двигаемся на предельной скорости, твоей Силиверстович. Поэтому ты со щитом впереди, я за тобой. Стреляй, потом думай. Пошел!

Выпавший у аппарата Федор Леонидович, похлопал в ладоши и сняв с головы шлем, осмотрел его с иронией.

– Вот тебе и абсолютная защита,– пластик с сапротидными молекулами оказался не эффективен против лазерного луча и явно предназначался исключительно, как средство защиты против пуль и осколков. Академику повезло, что его зацепило по касательной и потекший материал сжег сначала кислородную маску, так же с сапротидными составляющими, а лишь затем слегка опалил лоб. Но рана получилась отвратительно выглядящей и из нее сочилась кровь, стекающая за воротник. Сморщившись, Федор Леонидович дотронулся до раны ладонью и взглянув на нее окровавленную, поискал глазами обо чтобы вытереть перепачканную руку. В администраторской никого не было и Академик полез в аптечку, доставать средства первой необходимости. За этим занятием его и застал Вениамин. Молча осмотрев рану, он также молча обработал ее и перевязав, усадил Академика в кресло, поставив перед ним кружку холодного сока.

– Пейте и рассказывайте, что там.

– Лазеры там,– Федор Леонидович, присосался к соку и утолив жажду продолжил.– Вот видишь, царапнуло и Павлович прогнал. Точно он накаркал вчера, "лежбище" на вилле – мышеловка. А вот под домом этого Фердинанда и есть настоящее их логово. Народу там нагнали очень много. Мы только первый заслон прошли и там три десятка трупов осталось. Как маячки?

– Пока без патологии. Вам срочно в душ нужно. Потом меняйте комплект обмундирования и сюда. Мало ли. Егора с бельем я пришлю.

– Есть,– вскочил на ноги вполне бодро Академик и ушел принимать душ. Вернулся он через десять минут, держа в руках новенькую сферу, но вертя ее со скептическим выражением на лице.

– Не оправдала себя. Может у них там на складах завалилось что-то более сапротидо-содержащее?

– Нет, к сожалению. Не позволяет структура молекулярная наполнять в процентном соотношении. Есть ограничения.

– Черт бы побрал эти ограничения,– Федор Леонидович дотронулся рукой до повязки.– Болеть почти перестало. Что с ребятами?

– Михаил спит и пока реагирует слабо на раздражители. Стабильно тяжелое, как врачи говорят, а у Сергея получше, но тоже стабильно тяжелое. Пару раз очнулся, курнул и спит. Я лазарет в соседнем блоке оборудовал. Сходите, взгляните, а я подежурю. Вопросы если появятся, то задавайте их Кондрату, он парень бойкий и все знает.

Федор Леонидович прошел в лазарет и присел на стул рядом с лежащими Михаилом и Сергеем. Потрогал их лбы и убедившись, что у обоих они не очень горячие, грустно улыбнулся:

– Вы уж нас не подводите, парни,– тихо произнес он встав и увидел, что губы у обоих шевельнулись.

– Слышите? Ну спите. Мы тут рядом,– Федор Леонидович вышел на цыпочках и минут пять терроризировал "прапора" Кондратия расспросами. Достал его так, что даже он не выдержал и взвыл голосом Силиверстовича:

– Федор Леонидович, что вы ей Богу. Знаю я, как и что.

– Извини, братец, я и не сомневаюсь в твоей компетенции, но если что-то нужно, ты сразу сообщай.

– Все что нужно есть, Федор Леонидович,– в десятый раз повторил "прапор", переминаясь на манипуляторах и порываясь убежать по своим врачебным делам.

– Ну, беги, беги. Вижу что дергаешься,– отпустил его наконец-то Академик и Кондратий, пискнув придушено: – Есть,– скрылся в лазарете.

В административном блоке он застал вернувшихся Силиверстовича и Петра Павловича. Петр Павлович со стоном сдирал с себя комбинезон и Вениамин кривился, рассматривая его обожженные руку и ногу.

– Сразу нужно было возвращаться с такими ожогами, как вы вообще терпели все это время?

– Нормально терпел, что с ребятами лучше расскажи,– перебил его полковник, сквозь стиснутые зубы.

– В лазарете оба. Спят. Все, что возможно, делается. Возле каждого по сиделке,– Вениамин коротко рассказал о состоянии каждого.– Пару дней полежат, я думаю, и пока их лучше не тревожить. Пусть спят.

– Пусть. Силиверстович, поддержи рукав, что-то у меня моя левая совсем не хочет работать,– простонал Петр Павлович, валясь боком в кресло.– Давай, Вень, обрабатывай, пока я не передумал.

Засуетившийся рядом с ним "прапор" Егор моментально выложил на стол, мазь, вату и бинт, после чего отскочил в сторону. Вениамин принялся обрабатывать ожоги мазью, бурча себе едва слышно под нос:

– Нужно было мне остаться там, а вам сюда возвращаться.

– Поговори еще у меня, эскулап. Каждый должен быть на своем месте. Из тебя, вон какой знахарь получился. А я, что понимаю в этом? Ноль.

– Прав Михаил, когда всем дал команду изучать лекарства. Очнется когда, обязательно с ним вместе на вас наеду,– продолжал ворчать Вениамин, накладывая повязки.– А у вас, Силиверстович, как с этим?

– С травмами? Порядок. Бог миловал.

– Тогда рассказывайте, что там в этом бункере, после лазеров? Нашли СТН?

– Нет, но сожгли там все к чертовой матери. Прошли все от и до. Все закоулки обшарили. А чертовой этой табакерки там, похоже, не было. Нужно еще запись просмотреть, как следует. Жаль, что Фильку этот паразит сжег в гараже. Но запись он передать успел. Хорошо, что Павлович сообразил эту плевательницу огнеметную туда вовремя сунуть. Хорошая хрень, убойная. Этот-то, который у Михаила браслет сдернул, ох не прост. Я и не знал, что браслет снять можно, когда в "Завесе" находишься. А оно вон как оказывается.

– Мы еще много чего не знаем из того, что знают они. Тычемся, как слепые кутята,– скрипнул зубами Петр Павлович то ли от боли, то ли от досады.– Ничего, сегодня же садимся за учебники. Я все перерою, но разберусь с этой чертовой допотопной технологией от и до. Силиверстович, вруби камеры слежения, я уходя там их десяток оставил. Начинаем глубокую разработку. Закидать шапками не удалось, будем брать измором, длительной позиционной войной. Вениамин, подготовь десятка три мелких "Троянов". Я их обложу там, как медведей в берлоге. Шага не ступят без контроля с нашей стороны. Федор Леонидович, задействуйте группу Васькину, поставьте задачу, прочесывать со спутников прилегающую местность и еще, пусть отслеживают все контакты этого концерна и напихают в их электронику вирусов позлее. Чтобы в трубу суки вылетели. Кислород им нужно перекрыть на всех направлениях, чтобы во всех возможных пространствах земля у них под ногами горела. Я займусь общей координацией и анализом. Судя по всему, у них уже есть лаборатория действующая, которую мы не обнаружили и там успешно проведен опыт подсадки нано-сознания в живого двуногого носителя. Адольф этот.

Первый ли он? Но не последний – это точно. Слышали что орал?– "Ваше время кончилось и мое началось".– Сволочь. Недооценил он нас, Слава Богу. Но теперь и мы должны работать ювелирнее. Время штыковых атак закончилось. Началось время, когда нужно работать мозгами. Я в лазарет. Это где?

– Егор, проводи,– распорядился Вениамин и "прапор" зашуршал манипуляторами к выходу.

Вернулся полковник из лазарета мрачный и взглянув на монитор, на котором копошились в гараже развороченном несколько десятков человек, спросил:

– Это кто?

– Это спецы понаехали из службы собственной безопасности концерна. Сгребают остатки в контейнеры и увозят организованно куда-то. Куда станет ясно, когда поступит на эту тему сюжет,– Вениамин, взглянул на Петра Павловича пристально и заметив новую морщину на его лбу, вздохнул.

– Что за телячьи вздохи, Вень?

– Да вот подумал я, что мы ведь к ужину вернуться пообещали, но взглянет на вас Агафья Тихоновна с Ниной Андреевной и ведь не поверят, что все так быстро тут завершилось. Силиверстович вон инеем покрылся, да и у вас, я смотрю такая складка на лбу, что время вычислить им труда не составит.

– Что ты хочешь предложить?

– Вызвать женщин сюда. Без них сложнее, как оказалось. Катюшу и Аннушку. Лазарет, конечно получился навороченный и "прапора" оказались врачи хоть куда, но у нас уже минус два бойца, а вы про позиционную войну заговорили. Или может сделаем перерыв? Перескочим опять куда-нибудь в 20-ый, отсидимся там недельку, другую и вернемся вот к этой уборке помещений? Сергею нужно точно несколько месяцев на восстановление. Насчет Михаила не знаю. Там, похоже, магия и сколько он будет находиться в беспамятстве не могу сказать. И "прапора" молчат. В их базе данных такого случая нет. Клешнями разводят. Нужно ждать.

– Ты хочешь сказать, что он вообще может провалиться всю оставшуюся жизнь как овощ?– Петр Павлович охнул, присаживаясь боком в кресло.

– Я хочу сказать, что на этот вопрос может ответить только сам Михаил. Я ответа не знаю.

– Покопайся в базе.

– Копаюсь, но...

– Хорошо, за ужином обсудим эти вопросы, а пока обдумайте все за и против. А пока каждый занимаемся своим участком. Федор Леонидович, что там с Васькиной группой?

– Работают. Задачу получили. Сейчас свяжусь,– Академик вышел на связь с группой тигриной и просмотрев их последние отчеты, удовлетворенно усмехнулся.– Похоже что в концерне паника. Группа влезла во все их системы и гадит, как может. У них там начался каменный век. Даже движки на автомобилях не заводятся. Вся электроника сдохла разом. Коллапс.

– Пусть продолжают в том же духи. Распорядись, что бы обнулили их счета, все выявленные. Пусть сливают хоть в мусорные баки. Завалить их платежными требованиями, чтобы юристы концерна взвыли. Обанкротить негодяев.

Кроме того, пусть сольют информацию в независимые СМИ. Не нужна правда, нужно правдоподобие. И скандалы, чтобы власти зашевелились и начали совать всюду свой нос казенный. Всех купить у них денег не хватит. А мы им еще платежи запутаем и уведем все, что возможно со счетов. По миру пустить нужно этот концерн. Он, конечно, не один – это синдикат, но ниточку дернем и весь клубочек зашевелится. Пусть следят за их корпоративными связями и рубят, рубят, рубят.

– Понятно,– Федор Леонидович ввел новые задачи группе Васьки и получив подтверждение из нее о приеме, щелкнул по клавише, отключая ее.

– Вениамин, у тебя что?

– У меня нормально. Как вы и сказали три десятка забросил в этот район мелких. Пошла информация, пока общего порядка. Докладывают что на означенных квадратах наблюдается повышенное перемещение техники и людей. Техника, правда, начинает подводить, тут группа Васькина набирается опыта и гадит, а вот люди забежали гораздо живее.

– Мне бы еще эту лабораторию вычислить и визуально туда попасть. Пролез бы хоть один и тогда я просто выжгу эти осиные гнезда изнутри,– мстительно пообещал Петр Павлович.

– На деформацию я разрешение ввел, так что где нужно пролезут ящерицами, но у мелких есть недостаток. Уязвимость. Видели, что с Филей эта гнида сделала?

– Жаль Филю. Восстановить нельзя?

– Теоретически можно любому позывной навесить и будет хоть сотня Филей, но у этого были неповторимые особенности, отсутствие которых тот же Сергей сразу заметит. Вот хоть Шурка мой. На вид ничем не отличается, а я его ни с одним не спутаю. Тут много всякого вместе. И окрас и манеры наработаны, и вообще есть что-то, что привязывает их к нам. Они вроде, как своими становятся. А новенькие с иголки, какие-то необстрелянные что ли. Хотя быстро во все въезжают и ничем не уступают старичкам.

– Поставь им задачу на пеленг наносознаний и активируй систему самоуничтожения. Трофеи оставлять мы не имеем права. Сколько мы можем собрать при необходимости таких мелких систем?

– Это довольно долго, но если зашвырнуть группу "прапоров" лет на сто назад, то наклепят их столько, сколько нужно.

– Отправляй, пусть соберут пару сотен мелких. Обеспечь их всем необходимым.

– Уже отправил. Оставалось всего десятков, так что пришлось троих "прапоров" в 1929-ом озадачить. Сидят, схемы собирают.

– Молодец, схватываешь на лету. Правильно тебя Михаил вербанул в нашу банду,– улыбнулся устало Петр Павлович.

– Вам бы прилечь на пару часиков. Хотите я вам противопрележневый матрац дам команду сюда притащить и подвешу рядом с монитором. Отдыхать будете не отходя от руля, так сказать.

– Давай, что-то мне действительно хреновато уже минут десять как,– согласился Петр Павлович.

– А до этого? В кайф было?– усмехнулся Силиверстович.

– До этого было просто хреново, а теперь хреновато. Полегчало значит. Чувствуешь разницу в морфологии?

– Чувствую. Спи. Я тоже, пожалуй, ноги вытяну, набегался в этой "Завесе" на год вперед. Не поверишь, Вениамин, но Павлович сегодня заставил меня летать с такой прытью, что до сих пор крылья ломит под микитками.

– Отдыхайте оба. Федор Леонидович, вам бы тоже не мешало прилечь. Как рана?

– Пустячная,– отмахнулся Федор Леонидович, увлеченно роясь в информационном потоке.

– Как знаете, но выглядите вы не очень.

– Чувствую себя зато на 200-ти процентов, а выглядеть я не обязан. Занимайся молодежью.

Глава 2

За три часа реального времени группа "Троянов" буквально поставила экономику Европы "на уши". На биржах финансовых началась паника. Акции, еще вчера считавшихся непотопляемыми концернов, ни кто не хотел брать даже бесплатно. Огромная корпорация – ХЗХ вынуждена была признать себя банкротом и на Совете директоров принять решение о самоликвидации и распродаже своих предприятий с молотка. Корпорация ползла в пропасть и тянула вслед за собой сотню скооперированных с ней партнеров по бизнесу. СМИ подняли визг, пользуясь всеобщим замешательством правительств всех стран, вошедших в Евросоюз и валили все неурядицы на БАК.

"Большой Адронный Коллайдер опять испытывают, поэтому вырвавшиеся непредсказуемо протоны и кварки из его вакуумных носителей, подняли в центре Европы электромагнитную бурю, обесточивая электронику и создавая хаос. На что тратятся деньги налогоплательщиков?" – Спрашивали законопослушных европейцев с экранов телевизоров, различные мелкие авантюристы, спеша погреть руки на всеобщем замешательстве. Экраны мигали и изображения политиков перекашивало так, что вопросы звучали очень убедительно. Общеввропейский Центр Ядерных Исследований попытался откреститься от этих обвинений, доказывая общественности, что очередной запуск ускорителя проведен не на полную мощность и никаких выбросов из него кварков не происходило. Встречные пучки протонов пересеклись, пару секунд посветились, обрадовав исследователей и показали, что Коллайдер построен не зря и будет очень полезен Человечеству. Человечество благодаря этому сооружению, стоящему всего каких-то 10-ть миллиардов евро, может узнать тайны мироздания. И физики уже сейчас склонны утверждать, что кварки и прочие протоны, которых они считали элементарными частицами, на самом деле не так уж и элементарны, а возможно очень даже состоят из чего-то еще. То есть это не частица Бога, а ведро щебенки, образно говоря, в котором еще ох чего только нет. – "Так что успокойтесь господа и БАК, не так уж велик, чтобы на него валить все сразу. Вот если бы он был скажем не 27-м километров, а тысяч двадцать длиной, тогда, пожалуй, можно было бы беспокоиться". – Ну и так далее. Лица яйцеголовые на экранах, тоже слегка рябило и население Европы, давило на кнопки "лентяек" пытаясь отрегулировать звук, который так же оставлял желать лучшего. Погода тоже в считанные часы вдруг как взбесилась, опрокинув на центральную Европу "хляби небесные" и привыкшие к комфортной жизни обыватели ринулись в супермаркеты, выметая с полок продукты и прочие товары первой необходимости. Законопослушные европейские реки, называемые так по недоразумению местными жителями, дружно вышли из своих веками законопослушных берегов и выплеснулись на автобаны и железнодорожные пути. В результате транспорт повсеместно встал и без того испытывающий многочисленные проблемы. Теперь ему просто не почему было ездить. Первая же ночь, оказавшаяся вдруг холодной и темной, показала на что способно законопослушное население, в своих законопослушных городах, если в них отключить электричество, а полицию лишить автотранспорта и обязать наводить законопослушность пешком. Полиции оказалось очень мало. Гораздо меньше, чем всего остального населения.

Отслеживающий происходящие события Федор Леонидович, вынужден был остановить Васькину группу, когда понял, что вершину айсберга слизнуло финансовой волной, но там в глубинах начались процессы непредсказуемые, способные обрушить всю мировую экономику, в том числе и российскую, увязшую в ней по уши.

А на улицы европейских городов вырвались целые банды мародеров, громящие магазины и поджигающие брошенные владельцами бесполезные авто. Выли пожарные sireны и тарахтели по волнам разлившихся рек резиновые лодки с полицией, похожие на пироги времен Миклухи Маклая. Стражи порядка, пытались усмирить разбушевавшихся сограждан, под

шумок растаскивая по своим норам различные товары народного потребления из раскуроченных мародерами супермаркетов. Охрана им в этом способствовала по мере сил, а хозяева подсчитывали убытки, понимая, что от страховщиков они получат компенсации в виде всем известной «фиги с маслом».

Загремели первые выстрелы и языки пламени осветили мрачные кварталы, еще вчера таких безопасных, кукольных европейских городов. Население спешно вооружалось, доставая из сейфов охотничьи ружья и прочий огнестрел, которого у него на руках оказалось в достаточном количестве. Поднятые по тревоге армейские подразделения, спешно занимали оборону вокруг правительственных зданий, добавляя ревом танковых двигателей и бронетранспортеров во всеобщее напряжение, свою ложку дизельного топлива.

Просматривая видеосюжеты, поставляемые непрерывно мелкими "Троянами", Петр Павлович уже трижды за последние два часа, обнаруживал, как он думал, сверхсекретную лабораторию в Альпах и не долго думая, забрасывал туда несколько дистанционно управляемых огнеметов, выжигая эти "осиные гнезда" изнутри дочиста. Вычистив третье, он несколько успокоился, поняв, что скоро останется без огнеметов, которых на складе экспозиционном было всего десяток штук.

– Может сбросить туда что-нибудь убойное, вроде ядерного фугаса и слегка выровнять ландшафт?– спросил он сам себя и сам же себе ответил: – Заигрался я что-то в эти игры. Какие-никакие, а ведь люди там живут, жалко засранцев. Что там у тебя, Леонидович?

– У меня полный порядок, но клубочек такой зашевелился, что я Ваську, с командой его полосатой, остановил. Пока обрабатывают результаты акции. Корпорация сдохла скоропостижно, распавшись на сотню мелких составляющих и который из них снова станет центром, пока не понятно. Кроме того мне удалось раскопать документацию под грифами ограниченной доступности к ознакомлению с ее содержанием. Наивысший, так сказать, уровень. Только для "шестерки" и в ней есть описание процесса внедрения наносознания в тело носителя. Многое становится понятно и в допотопье и теперь.

– Что именно.

– Вся программа ХЗХ, изначально и нацелена на это, как на конечный результат. Она и создана для того чтобы сделать "шестерку" вечными, бессмертными. Но для окончательного осуществления задуманного, необходимы энергии такие колоссальные и сооружения так же просто гигантские. Допотопье с этой задачей не справилось. Не хватило силенок. При запуске очередной такой установки и произошел катаклизм, уничтоживший цивилизацию тогдашнюю. Но эти "шестеро", как мы видим, планы свои решили воплотить в наше время. Они сделали все, чтобы ускорить технический прогресс Человечества, а затем, загоняя его в нищету, развить те направления якобы фундаментальной науки, которые им необходимы для осуществления главной цели. Строятся атомные станции и протонные коллайдеры, которые совершенно не нужны людям, но очень нужны им. Я могу назвать прямо сейчас, где находится лаборатория, которую вам не терпится выжечь, как осиное гнездо изнутри. Это БАК. Если в английской транскрипции, то LHC – Large Hadron Collider.– Большой Адронный Коллайдер. Пущен в 2008-м. Но не на пустом месте, не с нуля построен. Тот туннель 27-ми километровый на границе Франции и Швейцарии существовал до того. Создателям достаточно было всего лишь заявиться и начать его насыщать новейшей техникой. Супермагниты и прочая начинка. Вот ознакомься, Павлович. Похоже, что все это уже было, но не хватало энергии. А сегодня мы увидели результат, продукцию БАК-а в виде Адольфа. БАК для медноголовых – это испытание новых вооружений, для яйцеголовых – возможность проверить свои теории возникновения нашей Вселенной в результате взрыва, но это для "лохов", как сказал бы Михаил. Главная цель – это вочеловечение "шестерки". Все они уже в телах или только одного пока им удалось всунуть в шкуру несчастного Адольфа, я могу только догадываться, но то что БАК и есть разыскиваемая нами лаборатория – это несомненно.

– Большая лаборатория. Тут пожалуй и фугасом ядерным не возьмешь. Рано я пожалел этих парней. Они, конечно, люди, но один раз уже "такие козлы" умудрились до потопа дело довести. И если их вовремя не остановить, то наступят второй раз на одни и те же грабли. Что будем делать?

– Нужно искать СТН. Это ключ. Без него БАК – это всего лишь дорогостоящий прибор в руках физиков, который настолько затратен для экономики Европейского Содружества, что они мгновенно прекратят финансирование этой бесполезной трубы. Он ведь энергозатратен настолько, что способен обанкротить такую страну, как Швейцария. Деньги на ветер. Только инвестиции безвозвратные, миллиардные... способны заставить правительства соглашаться на такие проекты. Теперь их не будет и БАК остановят, но нам следует точно знать, где "шестерка". Если внедрилась в людей, то нейтрализовать носителей, если нет, то задача упрощается, но в любом случае СТН следует ликвидировать. Где он? Вот вопрос номер один. Остальные можете пронумеровать, как угодно.

– Ну, что же. Пожалуй, соглашусь. Продолжаем в том же духе. Сбор информации всеми доступными нам способами и анализ ее незамедлительный. Нужно вычислить носителей и СТН. Если она где-то в зоне этого БАК-а, то и его нужно нашпиговать "Троянами". Пусть ползают там и обнюхивают каждый метр. Слушают и пишут. Вениамин, сколько есть под рукой мелких этих "штирлицев"?

– Сколько угодно. В настоящий момент сотня. Я посадил за их сборку всех "прапоров" здесь и в Сибирской пирамиде.

Могу к утру гарантировать хоть тысячу.

– Столько не нужно. Пару сотен достаточно. Поставь им конкретную задачу, на обнаружение "шестерки", особенности каждого из шестерых вдолби в их файлы. Первому, кто обнаружит, лично вручу крест главного шпиона или разведчика. Будет сидеть на самом верху воробышкой пирамиды и именоваться номером один. Стимул, как любит повторять Серега.

– Да им этот стимул по барабану, – Вениамин повернул лицо к сидящему у него на плече Шурке и спросил:

– Как ты считаешь, Шурик? Нужен стимул "Троянам"?

– А как же! – подпрыгнул тот. – Крест – это круто. А номер первый – еще круче. Разрешите поучаствовать в поимке злодеев.

– Вот он здоровый эгоизм, продемонстрированный наглядно. А ты говоришь "по барабану". Забрось-ка Шурика поближе к Женеве, пусть там возьмет под свое руководство всех мелких и из-под земли информацию об этих нелюдях достанет.

– Разрешите исполнять, Хозяин? – заметался "Троян", над аппаратурой.

– Давай, – Вениамин ввел координаты и "Троян" исчез.

– Что там с останками гаражными? Куда переместили? – вспомнил Петр Павлович.

– Ни куда. Не на чем. Пока все сложили там же. Адольфа упаковали в дубовый гроб. Лежит как Дракула. Лицо у него как ни странно почти не пострадало. Теперь пялится в потолок гаража. Ему глаза закрывать не стали. Я внимательно просмотрел весь процесс от начала и до конца. Сначала примчались трое явно шишек и принялись всех гонять по территории. Потом несколько команд принялись за уборку. Гроб приперли буквально сразу, будто он у них заранее был приготовлен. Красивый, лакированный, с бахромой. Крышки откидные на петлях. Не гроб – мечта покойника. Адольфа собрали лопатами аккуратно в мешок сначала. Голову отдельно упаковали и унесли, остальное сгрузили в гроб. А бошку полчаса спустя принесли и двое спецов ее там так уложили старательно, что лежит теперь как Ленин в Мавзолее. Живее всех живых. Глаза только почему-то не прикрыли. Может веки все же сгорели и не закрываются.

– А папаша его где?

– Фердинанд пребывает в состоянии паралича. Его Михаил обездвижил и он теперь только глазами зыркает. Лежит у себя в спальне под присмотром пары сиделок с автоматами. Супруга его Эльза заявила. Любительница скачек. Ничего такая из себя фрау. Спортивная такая. Завыла, как положено. На грудь начала кидаться сначала Фердинанду паралитику, потом на этих шишках повисла и ее тоже теперь пара сиделок оберегает.

– С автоматами?

– Фрау нормальные сиделки пасут. В смысле женского пола и без оружия. Здоровые тетki. Заставили ее выпить лекарство успокоительное и теперь фрау Эльза харя давит. Храпит, как медведь на льдине в весеннюю оттепель.

– Сканирование дома и окрестностей что дало?

– Ничего конструктивного. Гараж осталось, как следует просканировать. Туда только одному "Трояну" заползти удалось. Трансформировался в мышь сначала, потом опять в воробья, судя по раскадровке, а потом сработала система самоликвидации. Жесткий контроль установлен. Мышь проскочила, а вот воробей опять погиб.

– Мельче ничего нет?

– Вы насекомых имеете в виду?

– Да.

– Есть, но в очень ограниченном количестве. Всего десяток. Пара шмелей, ос и мух. Но их сборку в массовых количествах "прапора" осуществить не способны. Манипуляторы у них для этого не годятся. Совсем ювелирная работа. Для этой цели использовали мульти "прапоров". "Прапорят", но их самих сначала нужно собрать. А это тоже время и комплектующие. У меня пирамида Сибирская уже гудит, как хороший завод.

– Значит, насекомых "Троянов" бережешь как образцы? Отправь все же пару мух туда на виллу. Пусть поползают по Адольфу. Мне эта сволочь больше всего не нравится. Еще и глаза в потолок пялит, скотина. Я в лазарет загляну, а вы тут заканчивайте и встречаемся в столовой. Ужинать пора, – Петр Павлович устало сполз с матраса и пощупав забинтованную руку, скривился от боли. – Медленно заживает.

– А вы хотели за пару часов? К утру будете как огурчик, – пообещал Вениамин.

– Время не ждет, а тут еще голова, как чугунная, – посетовал Петр Павлович.

– Примите энергетик. И вам, Силиверстович, тоже не помешает, как вы там?

– Я в норме, – приподнял голову Силиверстович. – Готов опять прыгать козлом. Что мне сделается? Полежал чуток и порядок. Я с тобой, Павлович.

Когда за ушедшими Петром Павловичем и Силиверстовичем закрылась дверь Федор Леонидович спросил, повернувшись к Вениамину:

– Что с Михаилом? Ты не докопался до причины анабиоза, в который он впал?

– Почти ничего не узнал нового. Судя по всему, его оглушили магически. Нанесли внезапный удар в упор. Вот поэтому потом Адольф швырнуть больше ничего не мог существенно. Израсходовал все на Михаила. Как он его засек и как удалось браслет так легко снять, я не понимаю. Это в принципе не возможно. Нет, обнаружить он его, конечно мог запросто, даже при помощи современных человеческих приборов, а эта сволочь держала что-то в руках, когда Михаил к нему подошел. Надо полагать что сканер и держал. А вот удар нанес не Адольф, а та установка, у которой он изображал токаря. Вертеться шпиндель перестал – это я сразу приметил и на приборной доске огоньки замигали. Все рассчитали заранее. Одного не учли, что мы на пары разобьемся. Но у них идентификация, очевидно, личностей наших имеется. Адольф понял тот час же, что попал ему в лапы Михаил. Поэтому и заорал от радости. И еще он на записи браслет вверх задирает. Будто хвастается добычей. Демонстрирует трофей. Кому? Я думаю, что там был как минимум еще один из "шестерки" в человеческом обличье. Но ему не повезло сразу. Сжег его Сергей. Я думаю, что нужно дать Михаилу полежать некоторое время спокойно. Возможно, что просто выспится. Видимых повреждений на теле нет. Сканирование

внутренних органов тоже ничего не выявило. Это нечто вроде шока. Я, конечно, еще поищу информацию на эту тему и админов озадачу, но пока ни один из них ничего толкового не сообщал. Плетут что-то туманное.

– В каком смысле?

– Рефелюца своего поминают и о его страшном заклятье, которое знает только Глава Совета Старейшин – Рерюф этот. Будто бы стоит его даже подумать и человек приобретает раз в сутки силищу магическую просто такую запредельную, что горы сдвинуть способен. Но это легенда, надо полагать. Потому что если заклятье такое есть, то почему раз в сутки им Рерюф нынешний не пользуется?

– Может это только в теле физическом возможно? Вот и воспользовался?

– Разве что. Тем более нужно ускорить поиски. Что-то мне не по себе от этих легенд допотопных.

– А как этот Рерюф узнал заклятье, по версии админов?

– Ему предыдущий передал с последним выдохом.

– С каким выдохом?

– А-а-а. У них принято провожать умирающего Главу Совета последним поцелуем в уста. Вроде, как силу передают через этот выдох. Он и умереть иначе не имеет права и вроде, как не может.

– А если кол осиновый ему в одно место вбить, как у нас в русских деревнях испокон века с колдунами поступали?

– Про кол я не спрашивал. И вряд ли они знают. Потому что у них там такого обычая еще не было.

– Жаль, что не было. Глядишь и выжили бы тогда, – Федор Леонидович потянулся и дотронувшись до повязки на голове, предложил: – Ты, Веняша, сходи, поужинай, а я пока подежурю. Потом меня сменишь.

– Хорошо. Я живенько перекушу, Федор Леонидович. Если что-то срочное, зовите.

Глава 3

Не следующее утро выкарабкался из забытья Сергей, тут же потребовав сигарету и выкурил ее всю под одобрительное кряхтение Силиверстовича, присевшего рядом с его ложем.

– Как ты, внучек?– спросил он таким ласковым голосом, что у Сергея чуть сигарета не вывалилась изо рта от неожиданности.

– Это ты меня спрашиваешь?

– Тебя, Сергей Алексеевич?– Силиверстович положил руку внуку на грудь.– У меня только один внук-то всего. Запасных нет. Правнуки, правда, теперь еще есть, но вот внук-то один.

– Нормально, дедуль,– Серега попытался поднять руку, чтобы вынуть сигарету, но рука не послушалась и он удивленно скосил взгляд на нее, блестящую от мази и опутанную датчиками медприборов. Силиверстович осторожно вынул сигарету из губ внука, стряхнул пепел и вставил ее обратно.

– Дыми, внучек, и помни теперь, что когда народ говорит про кружку воды, которую подать некому бывает, то он именно вот такие ситуации имеет в виду. Как ты насчет выпить чего?

– Что-то не хочется пока. У меня внутри будто чешется все. Зудит. Я и проснулся только потому, что терпеть надоело. Эх, почесать бы чем,– подскочивший моментально "прапор" Кондратий, принялся возиться с аппаратурой жизнеобеспечения и включенные им мышечные, кожные и прочие стимуляторы, принялись "чесать" Сергея так качественно, что он даже заулыбался довольно.

– Всю жизнь мечтал вот так поваляться вволю. Чтобы не спешить ни куда. А Миха где?– вспомнил он о друге и попытался повернуть голову, но ему это так же не удалось и он скосил глаза на Силиверстовича.

– Да тут же, рядом. Все еще дрыхнет. У него, в отличие от тебя, скелет не пострадал, а вот по мозгам видать шандарахнуло будь здоров.

– Мишка-а-а,– позвал Сергей.– Жу-у-у-ук!– в ответ с соседнего ложа, раздался еле слышимый голос Михаила.

– Чего орешь, придурок?

– Сам дурак,– обрадовался Сергей и выпустив дым, в сторону Михаила, прошипел, давясь никотиновой слюной: – Дедуль, убери чинарик, хватит, накурился.

– Как скажешь,– Силиверстович вертел головой, то оглядываясь на Михаила, то поворачиваясь радостно к внуку, то порываясь вскочить и куда-то срочно бежать. Выдернув сигарету из губ Сергея он швырнул ее в емкость для мусора и Кондратий его же голосом взвыл:

– Куды, куды? Пожару только тут нам и не хватат,– при этом запуская в емкость один из манипуляторов и гася им сигарету.

– Извини, брат Кондратий,– повинился Силиверстович и вскочив все же, ринулся к входным дверям.– Вы тут пообщайтесь пока, а я сейчас скоренько,– ворвавшись в диспетчерскую, он заорал, как школяр на перемене:

– Мишка голос подал. Обозвал Серегу придурком. Павлович, с тебя литр,– Петр Павлович вскочил с кресла и помчался в лазарет. Там он точно так же, как до него Силиверстович, присел рядом с Михаилом и глядя в его открытые и осмысленно глядящие глаза, произнес хрипло и взволнованно.

– Скажи-ка что-нибудь.

– Здорова, батя,– чуть слышно прошептал Михаил.– Это ты меня вытащил?

– Все тащили. Что чувствуешь?

– Будто на тысячу кусков разрезали и как попало сшили без наркоза,– прошептал Михаил. – Болит все.

– А пошевелить можешь руками?– Петр Павлович взял руку сына в свою и пожал ее.– Чувствуешь?

– Нет, не чувствую,– Михаил закрыл глаза, короткий разговор с отцом отнял у него столько сил, что он впал в забытие.

– Порядок, Павлович,– похлопал Силиверстович полковника по ссутулившейся спине.– Заговорил главное. Теперь будет сил набираться и на поправку пойдет. А то, что не чувствует ничего, так это дело обычное. Отлежится и все будет нормально. Вениамин там нашел что-то про древнюю магию и говорит, что это называется магический шок. Вроде, как болевой, только по тонким телам. Вот, значит, они сейчас, как бы в параличе, сил набираются. Нужно ему на руку браслетик одеть, а лучше пару. Глядишь и сам еще себе как-то поможет,– Петр Павлович кивнул и полез в карман за браслетом. Пospешно надев его на руку сына, он молча поднялся и вышел из лазарета.

– Переживает Павлович,– вздохнул Силиверстович, повернувшись к внуку.– Может и тебе браслет-то нацепить? Будешь сам себя лечить помаленьку, а внучек?

– Одень,– отозвался Сергей, глядя прямо перед собой и вдруг сказал с тоской в голосе: – Как там наши, извелись пади ждать?

– Дак им только до вечера потерпеть,– попытался успокоить его Силиверстович, поставившись, чтобы голос прозвучал, как можно бодрее, но голос подвел, дрогнул.

– Не правильно это. Жить нужно одновременно. А мы уходим от них и они становятся, как бы мертвыми. Будто и нет их вовсе,– опять грустно прошептал Сергей.

– За собой что ли таскать их? Ты что? Эдак-то тоже нельзя.

– Я не про это. Пусть бы и там время шло, как положено. Я бы знал, что ждут, что не пять минут меня не было а долго, и что дождутся, и что любят.

– Вона как,– Силиверстович присел на стул и пригорюнился, нахохлившись. Сейчас он опять выглядел старым и разбитым жизнью человеком и Сергей, скосив в его сторону глаза, медленно поднял свою правую руку и положил ее на дедову кисть: – Соскучился я по семье. Будто сто лет не видел. А ты, неужто не скучаешь?

– Что я деревянный по-твоему? Эх, Сереня, сколь живу, все скучаю. День не увижу и уже не по себе. Будто зря живу. Только у нас ведь сопلي распускать не принято. Жизнь всегда не сахар была, чего уж там,– Сергей погладил руку Силиверстовича и улыбнулся понимающе.

– О-о-о-о, да у тебя рука никак зашевелилась?– Силиверстович вскочил со стула.– Я за браслетами. И тебе и вон Михаилу по паре штук принесу сейчас.

– Пошли "прапора",– Сергею не хотелось отпускать деда.

– А и верно, что это я бегаю, как первогодок. Кондратий, друг милый, сбегай за браслетами.

– Есть,– "прапор", выкатился из лазарета.

А час спустя, здесь же в лазарете, собравшиеся "концессионеры-хрононавты" провели подведение итогов последней операции, закончившейся вничью – по мнению Петра Павловича и полным их провалом – по мнению Сергея.

Петр Павлович улыбался слегка загадочно. У него была в загашике свежая информация достаточно оптимистичная, которую он пока не оглашал, очевидно, желая сделать сюрприз соратникам.

Начал Вениамин, доложив о состоянии дел в Европе на этот час. Реки начали возвращаться в свои берега и полиция, став мобильной, быстро загнала "быдло в стойло". Европейские городки убирались муниципальными служащими от последствий наводнений и погромов, а население прилипло к экранам телевизоров, слушая своих правителей, разъясняющих возникшую ситуацию и обещающих, что ими будут приняты все меры к тому, чтобы в будущем

такое безобразие никогда не повторилось. Паника на биржах тоже прекратилась. Кто-то успел сделать себе на ней состояние, а кому-то пришлось пустить пулю в лоб. Финансовые потоки перераспределились, растекаясь в неорганизованные ручейки и снова сливаясь в полноценный единый поток. Электромагнитная буря, накрывшая Европу, прекратилась и изображения политиков на экранах выглядели, как всегда уверенно и сыто. БАК, на который пытались "наехать" СМИ, организовал по инициативе Совета директоров концерна. – Consiel Europeen pour la Recherche Nucleaire – CERN, пресс конференцию, длинную как туннель коллайдера. На ней выступили, как водится, светила с академическими бородами и лысинами. Они клялись своими бородами, что коллайдер безопасен настолько, что население может вообще забыть о его существовании. Там – под землей, на глубине почти двухсот метров, по трубам носятся атомы со световой скоростью и что в этом опасного? Во Вселенной они тоже носятся с этими скоростями и ничего ведь не происходит. Да только в нашей атмосфере они сталкиваются ежедневно в таких количествах, что если все население Европы сядет рисовать нули, все остальные дела отложив, то ему /населению/ понадобится на это несколько дней. Вот какое число огромное. А в коллайдере ученые могут просто с помощью детекторов наблюдать, так сказать за "отдельными столкновениями" и фиксировать их с помощью приборов, чтобы изучить это явление. И ничего более.

– Мы не создаем ничего, мы только пытаемся изучить созданное, – теребило бороду острое светило и скребло лысину совершенно демократичным жестом. – А вот эти неполадки с электроникой, совершенно к нам не имеют никакого отношения. В этот день коллайдер не работал. Мы вообще остановили его для профилактических целей, – в доказательство были организованы экскурсии из стоек журналистов, которых водили по туннелям и пунктам контроля. Общественное мнение успокаивалось, склоняясь к доверию своим правителям и "яйцеголовым" их выкорыщам. Полки супермаркетов заполнялись продуктами и обыватель, вздохнув с облегчением, постарался забыть ту кошмарную ночь, когда он визжал под кроватью в обнимку с охотничьим ружьем, ожидая что в его дом вломятся мародеры. Несколько человек показательно взяли под стражу и долго мусолили их мерзкие биографии, доказывая всему населению, что это выродки, паршивые овцы и будут примерно наказаны. Законопослушные граждане удовлетворенно улыбались и убирали ружья в сейфы.

Концерт ХХХ, как таковой перестал существовать, а на вилле Фердинанда наблюдалось уныние, насыщенность людьми ее территории и прилегающих окрестностей резко понизилась.

Появились и представители власти, которые совали нос во все щели и даже гараж осмотрели, как положено, с привлечением криминалистов и прочих специалистов с овчарками на поводках. Гроб с телом Адольфа срочно был перемещен в родовой склеп семейства, где и был установлен рядом с десятком похожих мраморных гробов. Фрау Эльза, как ей и положено, в черном траурном одеянии, несколько раз на прощанье кинулась на гроб сына, черной птицей, а потом ее увели. Гроб деревянный поместили в гроб мраморный и аккуратно прикрыли мраморной же крышкой, на которой пока ничего не было обозначено, даже креста. Камнерезам это еще предстояло проделать, а пока гроб стоял безымянным и только этим и отличался от десятка таких же. Вряд ли рабочие и полицейские, торчащие в это время на территории усадьбы Фердинанда обращали внимание на снующих у них над головами воробьев, а уж на пару мух ползающих по гробу Адольфа и тем более.

– У меня все, – закончил Вениамин и слово взял Федор Леонидович, который отчитался о действиях группы "Троянов" - тигров, последствия которых оказались столь плачевны для экономики Европы.

– Я их пока притормозил, но если нужно повторить атаку, они готовы.

– Всеобщий хаос нам не нужен. Достаточно того, что лихорадит те проекты, которые направлены против нас. Что там со счетами корпорации?

– Обнулены, как и было приказано. Средства выведены в офшорты, потом перенаправлены в различные мелкие структуры и рассеяны мелкими суммами в различные общественные организации. Порядка тридцати миллиардов евро.

– Приличная сумма. Вы отследили главных держателей контрольных пакетов?

– Да. Воротили всему миру известные. Для них это, как слону дробина. Пулю никто пока себе в лоб не пустил. Залижут эту царапину в течение нескольких дней.

– Значит, у нас есть эти дни?

– Теоретически – да, Петр Павлович.

– Хочу обрадовать в таком случае... – Петр Павлович сделал паузу, обводя взглядом всех присутствующих и положив свою руку на кисть сына, пожал ее. Михаил, лежащий с открытыми глазами, улыбнулся уголками губ в ответ... – СТН обнаружен. Он сейчас в склепе. Адольф таскал его при себе. Если бы мы не побрезговали копаться в его обгоревшей тушке, то он уже был бы уничтожен. Мое упущение, каюсь. Было противно, рыться в его спецовке.

– Зачем он его взял с собой? – удивился Вениамин.

– Возможно, чтобы использовать энергию М.Э, которая в нем накопилась. Или он вообще не может без него существовать. Версий несколько у меня. После того, как тело носителя физически умерло, тот кто сидел в нем, вернулся в прибор и теперь они все опять в нем. Иначе СТН там бы не лежал. Очевидно, из шестерых внедрены были только двое. Тут нам просто повезло. Первого уничтожил Сергей, второго огнемёт. А может они все шестеро там были и все загнулись, но тем не менее они совершили ту же ошибку что и мы – сжучковались. Возомнили о себе сволочи невесть что.

– Так что же мы сидим тут и языками молотим? – вскочил со стула Вениамин. – Нужно срочно изымать эту дрянь из склепа.

– Не суетись, Вень. Все под контролем. На крышке стоят две "малютки" и там теперь точно мышь не проскочит. А самим туда бегать и вовсе нет нужды. Пошлем двух "прапоров". Справятся за минуту.

– Так посылайте, чего ждем?

– Я для этого и собрал вас сюда, чтобы это решение принять. Не захотел самовольно его принимать. А вдруг чего-то не учел. Ты, я вижу, за. Федор Леонидович, ваше мнение?

– Здесь мое мнение принимать в расчет не нужно, домыслы одни. Помните что было с тем СТН-ом, который Катюша уничтожила? Вдруг этот еще опаснее?

– Да чем же? Такой же он, как и тот. Говори уж свои домыслы, Леонидович, – Силиверстович заерзал на стуле.

– Тот пытался взять под контроль Михаила и тогда положение спасла Катюша. А вдруг этот вцепится в кого-то из нас? Что тогда?

– Мы его сразу после доставки уничтожим и все, – решительно рубанул рукой воздух Петр Павлович.

– Мы? Кто из нас? Михаилу удалось один так же ликвидировать, но сейчас он беспомощен. Вы сможете? Уверены? Может Катюшу все же сюда доставить?

– Ну вот, опять двадцать пять. Возвращаемся к тому же вопросу о женщинах и невозможности без них обойтись. Если Катюшу, то и всех остальных, значит. Ведь не удержать будет их там. Представляете, какой вой они здесь поднимут?

– Ну, повоюют немножко, чуток. Без этого у них ни как, зато потом не нужно будет врать через раз всем и глазенки блудливые прятать. А потом, сколько всего от них спрятать придется материалов этих. Наткнуться ведь все одно. Вот тогда точно не они, а мы взвоем. Аль ты, Павлович, свою Нину Андреевну за дурочку держишь? Моя, вон старая и то по клавишам этим барабанить научилась пуще меня, – высказал свое мнение Силиверстович. – Придется идти сдаваться.

– Есть еще вариант, – упрямо наклонил голову Петр Павлович.

– Уходим на какое-то время, в другое время и ждем пока Михаил с Сергеем не поправятся. Сергей уже руками шевелит, а Михаил тоже прогрессирует.

– Нет, Петр Павлович, это вариант не приемлем, – перебил его Академик. – Вы ведь рассчитываете на то что век 21-ый замрет и мы вернемся сюда вот в эту же минуту?

– Да, именно так.

– Вынужден, братцы, ложку дегтя плеснуть в нашу бочку с нектаром. Помните, что сказал Михаил, когда с Сергеем они собирались в последний раз о времени, которое у "шестерки" накопилось в результате наших вылазок в 21-ый век? Шесть часов по его мнению они получили фору.

– И что? – прошептал Михаил.

– Это не так. Не шесть часов, а двенадцать. Я проверил от и до, все наши отлучки, – Академик кивнул в сторону Вениамина. – Закупку продуктов и прочие рекогносцировки. Действительно шесть часов с минутами. А в реальности прошло двенадцать часов. А это, значит, что стрелки часов абсолютно не останавливаются ни где. Они везде движутся. И чем мы интенсивнее разбегаемся в разные стороны по временам, тем это происходит непредсказуемо.

Такой вот парадокс.

– Но мы ведь сами выбираем время и выставляем его при перемещении, не пойму я что-то к чему вы клоните? – растерянным голосом произнес Вениамин.

– А вы часто на часы смотрите, когда попадаете туда, куда хотите? Никогда не смотрим. Настолько потому что доверяем этой технике допотопной. А я взглянул в последний раз, когда сюда из 19-го перескочил, но не придал этому значения. Я ведь выставил таймер на час после ухода отсюда, а вернулся через шесть, почти вокурат к ужину.

– погоди, погоди. Мы подумали, что ты так и хотел. А зачем ты через час решил вернуться? – насторожился Петр Павлович. – И почему нам сразу ничего не сказал?

– Я подумал, тогда, что не учел при вводе часовые пояса и удивился, но не придал значения, только ведь и Вениамин тоже появился позже запланированного им времени. Он ведь тоже хотел сразу после обеда заявиться и тоже едва к ужину поспел.

– Я тоже пояса часовые не учел, – смутился Вениамин.

– Какие пояса? Нет там никаких поясов. В каждой точке время точное. Ну, что за невнимательность? – Петр Павлович осуждающе взглянул на Федора Леонидовича и Вениамина. – И молчат.

– Вот, говорю же. Ну, не сообразили сразу. Однако теперь-то что получается? Выходит мы потеряли преимущество.

Время тут будет хоть и медленно но накапливаться. В какой пропорции интересно?

– Это легко выяснить. Поставьте задачу Васькиной группе. А в Москву мы теперь, что тоже к ужину захотим вернуться, а вернемся к следующему завтраку?

– Поправку вносить нужно наверное с опережением возвратного времени на смещение по выявленному эффекту. Возможно, что он для каждого года разный. Анализ покажет.

Анализ показал, что анализировать нечего. Аппаратура работала, как обычно и готова была переместить в любую точку, в любое время, кроме форс-мажорных. Говоря простым языком – она врала, выдавая не верные результаты.

Привязанные к ее информационным базам "Трояны", дружно подтверждали те же результаты, т. е. тоже врала.

А через час, после оптимистического, но лживого анализа, аппаратура преподнесла очередную сюрприз, отключив сибирскую пирамиду.

Глава 4

Срочное совещание, началось теперь с отчета Васькиной группы. Для этого Федор Леонидович вызвал его лично и он разлегшись под ложем Михаила, едва там помещаясь, мурлыкал ответы на вопросы, которые на него посыпались.

– Что происходит, Васька?– Сергей приподнялся на локтях. Его выздоровление двигалось семимильными шагами, в отличии от Михаила, который по-прежнему едва говорил.

– Нет связи, Хозяин. Мы выясняем, но пока объяснений нет.

– Совсем нет или есть версии?

– Просто нет. Система на запросы не реагирует и что в настоящее время происходит там, нам не известно.

– Может она вообще захвачена?

– Этот вариант исключать нельзя.

– Значит, кто-то шурудит в системе без спроса и что хочет, то и вытворяет?

– Не что хочет, а только отключил сибирский филиал, остальное без изменения.

– Как это произошло?– взяв на себя роль следователя, Сергей продолжал задавать вопросы, остальные молча слушали с озабоченными лицами.

– Сорок две минуты назад поступил сигнал SOS, приводящий сибирский филиал в состояние полной автономии.

– Откуда поступил? Что я тебя за язык дергаю, как двоечника у доски?

– Из внеземного пространства, Хозяин. Со спутника возможно.

– Пеленг, значит, не прошел?

– Не завершен, Хозяин. Спутников в этом времени над Землей очень много и не все в нашем поле сейчас. Проверяем. В течение часа проверим все и тогда будет полная ясность.

– Обнаружите источник сигнала и сотрите этот спутник в порошок.

– Есть.

– Это что же получается? Значит, и нас могут отключить?

– Вероятность такая пока не исключена,– согласился Васька.

– Вам известен сигнал этот?

– Так точно.

– Его можно заменить? Перекодировать? Ввести новый?

– Так точно.

– Меняйте немедленно и поставьте такую защиту, чтобы была не по зубам никому.

– Есть,– Васька мотнул головой и зажмурился на секунду.– Делаем.

– На сибирской – это можно сделать задним числом?

– Нет, заблокирована полностью. Во всех временах.

– Если проникнуть извне?

– Тогда вы узнаете наглядно, как действует автономная система безопасности от проникновений. Персонал может не подчинится и оказать сопротивление. Всего там имеется сейчас три сотни боевых единиц, способных такое сопротивление оказать. В том числе и ваши лошади, Хозяин.

– Моя Верка?

– Сейчас неизвестно чья.

– Спасибо, Вась. Но ведь я там все подогнал под нас, как главных пользователей?

– Пока нам известно только, что система филиала, отключилась от основной базы, которую вы называете "мазаришарифкой" и на запросы не отвечает. Просто молчит. Это все. Возможно, что персонал выполняет все те же поставленные вами перед ними задачи и сигнал

полученный воспринимает, как полученный от вас. Поэтому проникнув извне, мы это сможем выяснить. Предлагаю послать мелочь, вроде Шурки.

– Верно. Принимается. Вениамин, сделай.

Вернувшийся через две минуты Вениамин, доложил:

– Сожгли. Ключом не успел щелкнуть.

– Что успел передать?

– Ландшафтный вид. Успел сесть на камень и оглядеться. Все.

– Василий, что это означает?

– В системе идентификации "свой-чужой", прошел как "чужой", – муркнул Васька. –

Спутники проверены, Хозяин. Сигнал не обнаружен.

– Что это означает?

– Что он поступил не со спутников.

– А откуда же тогда?

– Возможно только это еще из двух точек. С Луны и Венеры?

– Почему нет пеленга?

– Потому что сигнал был разовым. Но в системах электронных, проверенных на орбите Земли, в их базе памяти, этот сигнал отсутствует. Они задействованы не были. Остаются Луна и Венера.

– Что включает в себя сигнал SOS?

– Он приводит к переходу объекта в автономное самоуправление в автоматическом режиме, до отмены сигнала.

– Отменить можно?

– Нет. Филиал не работает на прием и передачу, он по сигналу SOS ушел в режим молчания. Отменить можно только из той же точки, откуда поступил первый сигнал.

– С Луны или Венеры?

– Так точно.

– Эх, Миха, говорил же я, что нужно подчистить эти две станции.

– Говорил, помню, но кто же знал, что эти сволочи смогут ими воспользоваться? – отозвался виновато Михаил.

– Это значит, что на одной из станций есть еще один СТН и там сейчас находится "шестерка"? Я вас правильно понял? – Петр Павлович перевел взгляд с сына на Сергея.

– Да, – мрачно кивнул Сергей.

– Почему же они раньше этого не сделали, если вот так запросто смогли это сделать теперь? Поотключать тут все этими SOS-ами?

– Не хватало им для этого чего-то. Законсервировано было оборудование к тому же. А вот мы его расконсервировали к их возможной радости. Замельтешили тут и там. До этого профилактически оно включалось раз в 50-т лет на несколько дней и им этого было недостаточно, чтобы очухаться от анабиоза. А потом мы появились и предоставили в их распоряжение годы.

– Значит, мы полезли в эти гильзы, активировали их и создали тем самым для "шестерки" благоприятные условия?

– Именно так. Посмотри, Павлович, как электроника с начала девяностых рванула. За пару десятков лет, перекрыла лет двести, получив готовенькие технологии. Выпустили мы сами джина из бутылки, мужики, – вздохнул Сергей.

– Ты уверен, что мы? А не бесноватый недоносок папаши Алоиза?

– Свалить, конечно, очень хочется на него, но без нашего вмешательства в 90-тых...

– Без нашего вмешательства в 90-х, они бы уже миром правили. Мне кажется, что ты не прав, Серега. Время у них и без нас было, а то что аппаратура заработала в активном режиме – это заставило их засуетиться и ускорить все, что возможно. В результате мы имеем Объединенную Европу и сигнал с Луны. Европа – хрен с ней, а вот сигнал этот следует ликвидиро-

вать. Вась, подробный план станции давай. Понятно, что там аппаратура находится в режиме свободного доступа, но ведь чтобы нажать на клавиши нужно это сделать физически. Или я что-то не понимаю в этой допотопной технике?

– Все верно. Физически, но это можно проделать манипуляторами "прапора", а там на станциях они есть. По пять единиц на каждой. Значит, взяты под контроль.

– Проверить можно? На связь с ними выйти, например?

– Можно. Их идентификационные слепки имеются в базе.

– Почему не сделали это раньше?

– Не было команды, – мурлыкнул Васька.

– Что-то мне твои ответы не нравятся, котик ты наш, мурлыка, – нахмурился Петр Павлович. – Ты сам-то не под контролем?

– Никак нет, Хозяин. Если бы я был под контролем, то уже мог давно использовать всех вас в качестве средства для пополнения энергозатрат, тем более, что уже давно пора это сделать, – Васька облизнулся.

– Хамишь? – голос Михаила раздался в образовавшейся паузе отчетливо и Васька поджал испуганно хвост.

– Никак нет. Излагаю реальное положение дел.

– Излагай и помни, что ТЕ, – Михаил выделил это слово. – Они НИ КТО. А мы – ВСЕ. Твоя задача, Васек, заблокировать ИХ. Это задача № ОДИН. Все остальные вторичны и рассматриваются группой с этого момента, как способствующие ее выполнению или мешающие. Сменить все пароли доступа, куда бы-то ни было. Напихать вирусов в "прапоров" лунных и венерианских, чтобы взбесились. Остановить этот Коллайдер, пусть остывает и немедленно сюда СТН из гроба Адольфа.

– Есть! – рыкнул Васька. А через пять минут в лазарет, вкатился "прапор" и протянул СТН, доставленный из склепа.

СТН явно вибрировал, пытаясь вырваться из манипулятора и взявший его в руку Петр Павлович, заметно побледнел.

Так долго искомый предмет наконец-то был найден, но еще где-то был такой же и задача осложнялась тем, что доступ туда оказался не прост.

– Ломай, Павлович, – шепнул Силиверстович. – Или дай-ка мне, если сомневаешься, – Силиверстович перекрестился широко и протянул руку.

– Какие сомнения? Нет у меня их, – Петр Павлович зашевелил губами, зачитывая молитву и перекрестившись, принялся крошить прибор в мусорную емкость. При этом всем показалось, что послышался отдаленный вой, на пределе слуха появившийся, он звучал всего несколько секунд, но все поморщились от него одновременно. А Васька, закрутил полосатой головой и доложил:

– Связь с сибирским филиалом восстановлена. Меняем коды доступа и вводим их в систему. Сигнал SOS так же отменен и с этой секунды переориентирован на этот пульт.

– Так он что же, сволочь из склепа с Луной или Венерой связался?

– Да и энергию гнал для активации систем отсюда. Теперь там все тихо. Активированный автомат, израсходовал полученную энергию и впал в спячку.

– Значит, туда можно спокойно отправляться и забирать все, что угодно?

– Да, – Васька потряс головой и зевнул во всю свою зубастую пасть. – Все закончилось, Хозяин. Вы победили почти. Осталось уничтожить три аппарата СТН, которые находятся в состоянии покоя и потенциальная угроза так же будет устранена.

– Три? – Петр Павлович, принялся брезгливо отряхивать руки от металлического крошева. – Две ты хотел сказать?

– Три, – повторил Васька. – Две вне Земного пространства и третья на Земле.

– Где? – вопрос прозвучал хором и все переглянулись, но смешно никому не было.

– Пеленга нет,— ответил Васька.

– Может это тот, что в Мариинской впадине? Так и Бог с ним пусть там и остается,— Сергей, повернулся с трудом на бок.

– Нет. В Мариинской впадине система таким прибором укомплектована не была,— замотал головой "Троян".

– Приблизительный пеленг есть?

– Европейская территория России,— прижмурил желтые глаза Васька.

– Бли-и-и-ин. Опять все сначала что ли? Почему этот СТН никак себя не проявлял?

– Причин две. Это личный СТН Рерюфа. Там он в одиночестве и стало быть слабее и второе... Аппарат попал в огромный минерал и самостоятельно из него выбраться не может, сигнал не проходит.

– Тут две реплики у меня сразу,— Сергей сунул в рот сигарету и прикурив, осторожно выпустил дым в сторону кондиционера, который потребовал установить накануне. Дым ринулся послушно в его сторону и исчез за рифленой панелью.— Первая. Хрен с ним, пусть и дальше там лежит. И вторая. А у остальных пятерых нет такой же индивидуальной системы?

– Отвечаю по порядку поступления реплик,— Васька приподнял голову с лап.— СТН замурован в куске породы и ничего там кроме него нет. Вряд ли там есть хрен. А у остальных членов ЦК СС, такого прибора не было. По рангу не полагалось.

– Ну и хрен тогда с ними и с ним,— откинулся Сергей на подушку.

– Реплика непонятна,— замотал головой "Троян".

– Сергей имел в виду, что можно проигнорировать это, как нечто незначительное, даже если там и было бы хрена несколько грядок,— вежливо пояснил Федор Леонидович

– Понял — идиома,— Васька оскалился понимающе.— Хрена там нет скорее всего поблизости, потому что это находится на территории мегаполиса. Мои парни уже десять минут прочесывают Европейскую часть территории России. Круг сузился и теперь нет сомнений, что это Санкт-Петербург.

– А вот это новость плохая,— поморщился Сергей.— Строители могут нечаянно наткнуться, при фундаментных работах. Что за минерал хоть? И на какой глубине залегает? Это твоя команда не может установить?

– Пока нет, Хозяин. Очень слабый сигнал и постоянно пропадающий. Раз в час, комариный писк издает.

– Следите и немедленно докладывайте, если координаты появятся более точные.

– Есть,— Васька выполз из-под лежанки и встав во весь свой рост, щелкнул пастью, будто ловил пролетающую у его носа муху.— Еще будут указания?

– Все, свободен. Тут и без тебя не протолкаться. Иди уже,— отпустил его Петр Павлович.

– Этот гад питит пока. Ищет человека, с которым можно войти в контакт. А вот "шестерка" с успехом глушила свои сигналы и пеленгу не поддавалась в последнее время. Иначе мы бы их быстро засекли. Однако сколько времени потратили пока это удалось сделать,— Петр Павлович склонился над Михаилом, который опять лежал с закрытыми глазами.— Пошли, мужики, в столовую. Пусть поспят парни. Вон и Серега сомлел, вижу,— все тихо поднялись и вышли, стараясь не шуметь.

Еще несколько дней пролетели в суете, которая буквально всех закрутила, то собирая вместе, то разбрасывая в разные точки земного шара. Пришлось всем рыться в архивах, вникая в тонкости работы всех систем проекта ХЗХ, казавшийся им когда-то чем-то вроде волшебной лампы Аладдина, которую достаточно было попросить, чтобы она сама выдала готовый результат и тот который нужен. Теперь доверие к надежности системы пошатнулось и все дружно принялись выискивать недостатки, которых оказалось столько, что все буквально хваталось за головы.

Со временем творилось что-то непонятное. Оно могло в одном из перемещений совершенно самопроизвольно скакнуть в ту или другую сторону от намеченного и достаточно в широком диапазоне, от нескольких минут до дней. И чем глубже в века осуществлялся перенос, тем ширина эта росла совершенно непредсказуемо. Михаил высказал предположение, что это его вина.

– Я форс-мажоры отменил частично, расширив поле и систему залихорадило. Она в течение тысячелетий обрабатывала и накапливала информацию, а я влез и переориентировал ее, и вот она наверное запаниковала, загнула, то есть.

– Может вернуть ее в режим прежний?– предложил Федор Леонидович.

– Попробуйте,– Михаил шевельнул пальцами рук и улыбнулся. Теперь и у него начались положительные сдвиги и "прапора"– сиделки, сустились вокруг его ложа, подключая систему гигиены и прочие мышечные стимуляторы.

Перезагрузка систем, однако привела к тому, что перемещения в течение недели вообще стали невозможны. Автоматика восприняла это, как команду провести полную ревизию всех систем и дотошно приступила к профилактике, выдав на дисплеи какой-то хитрый значок.

– Что это за хрень, Кондратий?– Сергей тормознул вкатившегося в лазарет "прапора" и тот взглянув мельком, проворчал недовольно, пародируя голос Силиверстовича:

– Сам не видишь? Вход временно не возможен. Шлагбаум выставили. Через эту петлю Мебиуса, еще никто не проскакивал. Так замотает по своим петлям.

– На долго?

– Кто же их знает? Хоть бы написали,– Кондрат принялся, проверять показания приборов, продолжая ворчать:

– Чего возятся? У меня на профилактику пять минут уходит всего в сутки. А я ведь гораздо сложнее устроен, чем эти цилиндры.

– Что-о-о-о?– Сергей даже приподнялся и сел от удивления.– Ты сложнее?

– Конечно. Посмотрите мою схему и сравните с ихней. Где больше узлов?

– А, ты в этом смысле? Тогда-то да. У тебя вон манипуляторы только одни чего стоят. Каждой клешней за пояс эти гильзы заткнешь.

Целую неделю все были, как на иголках, мрачно косясь на овальные экраны, на которых застыла "петля Мебиуса" и когда через семь дней она исчезла, а опрошенные "админы" доложили, что система находится в рабочем состоянии, все одновременно вздохнули с облегчением.

– Все, не лезем больше с корректировками. У нас нет производственных площадей по изготовлению вышедших из строя систем. С форс-мажорами придется смириться,– Михаил чувствовал себя виноватым и все молча согласился с его предложением.

В первую очередь Федор Леонидович поставил задачу группе "хакеров – Троянов", составить новый перечень по годам этих "форс-мажорных" дней и все с облегчением вздохнули, увидев, что Москва с семьями в него не попала.

Пригорюнился Вениамин. Весь 1870-ый и почти весь следующий -71-ый год были перекрыты форс-мажором.

– Извини, Вениамин, не наша вина.– Федор Леонидович пытался его утешить.

– Да понимаю я, Федор Леонидович. Что я Машеньке в 1871-ом скажу, когда заявлюсь? Я ведь вышел как бы на пять минут и исчез на полтора года. А вдруг она ждать не станет? Подумает, что сбежал, обидится и замуж выскочит? Не сидеть же ей в старых девах?

– Ей сколько тогда было в 1870-ом?– спросил Михаил.

– Семнадцать лет,– вздохнул горестно Вениамин.

– А встретитесь вы теперь, когда ей станет 18-ть с половиной. Понятно, что старая дева. Прими наши соболезнования. И что ты ей сказал, когда выходил на пять минут?

– Я учебники из Питера привез с тетрадками и прочей мелочью учебной, ну и выгружать начал, когда она выскочила. Красивая такая, улыбается. Ну, я ей говорю,– Сейчас освобожусь

и поднимусь в ваш кабинет, Мария Александровна, подождите пять минут. Она и убежала. А я подумал, что пять минут мне за глаза хватит, чтобы и сюда смотаться и обратно вернуться. Вот так вот получилось. Пять минут в полтора года превратились. Неужто ничего сделать нельзя?

– Вень, мы тебя понимаем, но никто не может дать гарантии, что при перезагрузке следующей эти форс-мажоры не расползутся еще шире. Лучше оставить как есть. Не искушать судьбу.

– Я понимаю, только что я теперь Марии Александровне скажу и вдруг уже опоздал,– Вениамин пригорюнился и Федор Леонидович предложил:

– Давай-ка мы сначала туда Шурку твоего откомандируем. Пусть разведает, что там и как, а уж потом и ты следом, если все будет нормально. А для тебя версию сочиним убедительную, твоего отсутствия. Например, что схватили тебя злодеи и держали в погребе полтора года на хлебе и квасе. Пока сойдет и такая.

– Где это они меня полтора года могли держать и куда потом сами делись разбойники?

– Придумаем, что-нибудь правдоподобное. Подключим Сергея, у него фантазия буйная, не то что у меня, книжного червя. Да и скачет вон уже как бойко. Ноги, правда, волочит, но через недельку и это выправится.

– Я не могу недельку ждать. Там Машенька, если ждет, то с ума сходит,– Вениамин набрал координаты на пульте и Шурка исчез в веке 19-ом. Вернулся он минутой спустя и плюхнувшись на плечо Вениамина, тут же без команды выдал видеоролик, снятый им вечером в доме батюшки Александра. За окном выла вьюга и вся семья собралась за столом. Батюшка с матушкой выглядели постаревшими, а все остальные домочадцы сидели молча. Молча помолились, и молча приступили к трапезе, явно постной. Дверь входная скрипнула и появилась Машенька. В тулупчике и шале, она была запорошена снегом и матушка кинулась стряхивать с нее снег и помогать раздеваться. Тут же крутились и младшие сестренки, заметно подросшие. Батюшка радостно улыбнулся, обнимая дочь и усаживая ее поближе к самовару. Висящая над столом керосинка в абажуре, делала лицо Марии Александровны старше и складка горестная пролегла между бровей, говорила о том, как нелегко ей дали эти полтора года.

– Ну, как школа?– спросил батюшка Александр, наливая дочери чай в чашку и пододвигая к ней поближе блюдо с медом.

– Хорошо все, батюшка. Слава Богу. Процветает, вашими молитвами,– ответила Мария Александровна, взяв в руки чашку обеими ладонями и согревая их о нее.– Не слышно ли чего?– спросила она и замерла, опустив глаза.

– Нет, душа моя. Ерофеич весь Санкт– Петербург уже прочесал. Не вылезает из него, по слову твоему. Со службы ведь уволиться с казенной ему пришлось. Нет пока ничего. Не нашел.

– Он не потерял ничего, вот и не нашел,– проговорила Мария Александровна.– Приобрел только. Я ему против его жалования прежнего из казны, впятеро плачу. Нужно еще людей привлечь. Человек – не иголка. Не было ли нового известия от него?

– Нового пока нет. Только то, что позавчера получили,– виновато развел руками батюшка.

– Не-е-е-е-т,– вздохнула Мария Александровна и достав из рукава темного платья платочек, принялась вытирать им побежавшие по щекам слезы.– Жив он, только приехать не может. Чувствую я. Будто рядом совсем,– картинка вдруг заметалась и пропала вместе со звуком.

– Что это?– спросил Федор Леонидович.

– Кот ихний, бестия, чуть жизни не лишил, подкравшись, хвост отгрыз. Еле успел в норку шмыгнуть. Я ведь там так хорошо пристроился на комод, все видно и слышимость замечательная, а эта бестия прыг, откуда ни возьмись... -заскакал на плечо Вениамина Шурка, а тот смотрел пустыми глазами на экран и лицо его стало белым, как мел.

– Немедленно туда,– вскочил он.– В ноги брошусь, буду у всех прощения просить.

– Да твоя-то в чем вина, Веняша?– обнял его за плечи Силиверстович.– Переоденься хоть в тогдашнюю одежду, а мы пока тут извилинами пошевелим и придумаем что-нибудь общими силами. Беги, подбирай одежду.

Версию для Вениамина придумали, просмотрев план местности и обнаружив в пятидесяти верстах скит монашеский, в котором оказалось всего два отшельника в годах преклонных и решено было именно к ним в память подбросить Вениамина, будто бы в беспамятстве найденного ими в лесу. Полтора года парень прожил с монахами, совершенно не помня, кто он и названный ими Иваном Безродным. А вот несколько дней назад вернулась к парню память и засобирался он в дорогу. Взял лошадь свою породистую, которая у монахов простояла все это время в конюшне, да и ускакал. Сказка получилась убедительной и вполне "прокатывала", как выразился Сергей "для сельской местности".

– Нужно, значит, вместе с Вениамином посылать еще кого-то, чтобы с этими монахами пообщался, иначе проколемся не дай Бог. Опять же, как так вышло, что он вдруг на лошадь сел и ускакал так внезапно, пообещав к Марии Александровне зайти через пять минут?– Петр Павлович рассматривал на мониторе план местности.

– Повел на конюшню Зорьку, ну и увидел злодеев, на лошадях мимо проезжающих. Решил задержать и поспешил за ними. А они его подкараулили и кистенем по голове огрели, так что память из него вон, а Зорька испугалась и понесла куда глаза глядят, пока не выскочила на этот скит монашеский.– Выдал версию Сергей.

– Ох, наплели,– потом стыдно будет в глаза Марии-то смотреть, когда правду открыть придется. И монахов этих может не стоит вообще беспокоить? Вряд ли поедут их расспрашивать батюшка или кто-то еще. Нашелся и Слава Богу.

– Это-то да. А вот как Вениамин, лгать там станет? Я ему не завидую. И меня ведь тоже ищет этот урядник отставной. Я, правда, адрес само собой не оставлял, когда уезжал. Придется опять про Америку плести, будь она неладна,– вздохнул Федор Леонидович.– Что с письмом Вениаминовым сам лично отправился, да по дороге прихворнул. Попал в шторм. Вот и голова пострадала. Пришлось сидеть у дикарей на острове, пока оказия не подвернулась. Полтора года и пролетело. А как вернулся, так сразу к ним.

– Погоди-ка. Куда это ты вернулся? Питер город маленький, в нем академиков раз, два и обчелся, и Ерофеич всех давно уже наверняка за полтора-то года выявил. Мне бы туда,– Михаил вздохнул виновато. Он за неделю прошедшую смог добиться прогресса только в сгибании рук.

– Судя по скорости, с которой ты от шока этого отходишь, тебе еще пара месяцев потребуется, сын,– возразил ему Петр Павлович.– Может нам действительно на это время нырнуть куда-нибудь в прошлое? Вместе с этим лазаретом?

Вернемся через минуту здоровенькими, а парни?– Ни кто не возразил и Петр Павлович принялся набирать начало двадцатого века, в котором форс-мажора оказалось меньше всего. Вернулся он через минуту буквально и один.

– Что случилось?– всполошился Федор Леонидович, оставшийся один в лазарете опустевшем.– Где остальные?

– Ты не поверишь, Леонидович, там они оба сразу выздоровели в одну минуту. Вот такой парадокс, но вот от возвращения сюда, пока воздержались. Вдруг здесь опять свалятся? Так что берем Вениамина и в 1871-ый. Сергей с Михаилом и Силиверстовичем уже там. В Питере шурудят. Ерофеича этого ищут. С ним и заявятся следом.

А мы с тобой и с Вениамином прямо в Твердохлебово, к избе батюшки Александра. Приготовься брехать, как старый мерин, про кораблекрушение и туземцев. Может, для правдоподобия кольцо в нос вставим или перьев в прическу напихаем?

– Господи помилуй,– перекрестился испуганно Федор Леонидович.– А без перьев ни как?

– Можно и без перьев, но тогда правдоподобия станет гораздо меньше, а врать придется гораздо больше,– Петр Павлович озорно подмигнул.

– Ничего. Я лучше привру побольше, Павлович. Что-то мне кольцо-то в нос не очень хочется,– засмеялся Федор Леонидович.

– Жаль,– захохотал весело полковник, впервые за последние две недели он засмеялся и вошедший в полушубке Вениамин, замер на пороге.

– А где все?– спросил он, растерянно оглядывая опустевший лазарет.

– Уже в Питере все. Радость у нас, Вень. В 19-том все сразу выздоровели. Время видать лечебное попало. Михаил на ноги встал и Серега, как огурчик. Сейчас Ерофеича отловят в Питере и прискачут с ним через денек, другой. А мы в твоё Твердохлебово. Не возражаешь?

– Петр Павлович, голубчик. Да как же я стану возражать? Сдохнуть мне прямо здесь на этом тогда месте,– Вениамин, прижал к груди мохнатую шапку ушанку.– Переодевайтесь скорее.

– Ты не суетись. Я пока экипировкой займусь, а Леонидович тебя с легендой ознакомит, которую вы вместе излагать станете. И не кривись. Пока так нужно. Правда-то и вовсе на неправду похожа. Придется в стиле романов того времени выкручиваться. Чтобы от зубов отскакивало. Нам любопытство глупое ни к чему. Меньше шума чтобы. Понятно?– Петр Павлович, весело насвистывая, вышел и вернувшись через десять минут, принялся выкладывать на стулья и столы одежду для Федора Леонидовича. Сам он вырядился в полковничий мундир того времени и выглядел щеголем. Тулуп, правда, накинул сверху обыкновенный и потоптавшись, спросил у Вениамина: – Не длинноват?

– В самый раз,– ответил тот, даже не взглянув и теребя Федора Леонидовича, который по его мнению двигался очень медленно.

– Вень, не погоняй, дай разобраться с этими валенками. Забыл ведь, когда носил последний раз,– бормотал Академик, вертя катанки и пытаясь понять который из них на какую ногу.

– Да они без разницы, Федор Леонидович. Нет левой и правой. Ступни примнут как надо. Ну, что же вы такой медленный?

– Доживи до моих лет, Негоциант,– ворчал в ответ Федор Леонидович, натягивая на плечи сюртук, а на него пальто с меховым воротником.– Готов уже, не дергай.

– С пустой головой на мороз собрались? Слышали как там выюга-то воет за окном?– Вениамин напялил на голову Академика меховую шапку и отскочив на пару шагов, придирчиво его осмотрел.– Ох, халтура, но сойдет для провинции.

– А гостинцы?– спохватился Петр Павлович, останавливая Вениамина, ринувшегося к цилиндрам.

– Какие?– уставился непонимающими глазами на него тот и охнув сел на стул.– А что нужно?

– Что? Ну, например, матушке шаль и отрез на платье какого-нибудь крепдешина, девичкам тоже ситца по отрезу и сережки с колечками. А уж батюшке как положено – гармонь.

– Почему гармонь батюшке?– не понял Вениамин.

– Жизнь чтобы веселее стала. Попу гармонь обязательно, а как же,– Петр Павлович подмигнул Вениамину.– Ну и Марии Александровне что-то нужно непременно подарить.

– Это я из лесу выскочил, значит, и в универмаг побежал сначала,– сообразил Вениамин.

– Нет, брат. В универмаг ты не побежал, ты на нас наткнулся прямо на постоялом дворе. Ну и само собой радости тут столько, что просто у нас с собой универмаг этот в чемоданах оказался. А потом мы с этими чемоданами прямо и помчались к батюшке. В общем мы с Леонидовичем вперед уйдем, а уж ты следом и на постоялый двор заверни, чтобы нам там не потеряться. И запомни, что я дядька твой, полковник в отставке. Преображенский полк. Гвардейский. Есть там такой и даже Соболев Петр Павлович есть в списках. Он действительно в отставке, но уехал к себе под Смоленск. Вот как нам на двор постоялый заявиться с чемоданами? Лошадей

бы нужно с кучером. Ну да ладно, на месте сориентируемся. Скажем, что спешил ямщик и выгрузив нас, сразу уехал,— Петр Павлович выставил два огромных кожаных сундука, потом подумав, слегка их уменьшил, довольно бойко щелкая пальцами и принялся набивать их отрезами, сорочками, бритвенными станками и прочим необходимым имуществом, без которого приличный человек в путешествия не отправлялся в веке 19-ом. Не забыл и гармонь, запихнув ее в сундучок Федора Леонидовича, а кроме того выщелкнув пару саквояжей, набил их всякими коробочками с духами и прочей женской мелочью, вроде гребней и зеркалец с ручками.— Вот такое я в Эрмитаже видел,— саквояж Федора Леонидовича он тоже набил битком всякой всячиной и тот охнул, попробовав его поднять:

— Золото что ли там?— спросил он, опуская саквояж.

— Есть и золото. Что же нам чугунные что ли сережки сестрицам Мирии-то дарить?— улыбнулся опять озорно Петр Павлович.— А ты, Вень, придумал, что невесте-то преподнесешь? Без подарка, брат, нельзя.

— Ничего в голову не приходит,— признался тот.

— Перстенок вот держи. Я такой в Эрмитаже видел, на какой-то картине.

— Память у вас, Петр Павлович... А камешек не слишком ли велик? Как-то уродливо смотрится.

— Действительно великоват. Тут ты прав,— Петр Павлович отложил в сторону замаскированный перстень, на который он прилепил бриллиант размером чуть ли не с куриное яйцо и щелкнув пальцами, выдал гораздо скромнее. Камень получился вполне соразмерный и Петр Павлович, упаковав перстенок в замшевую коробочку, сунул его Вениамину в карман.

— Все, присядем на дорожку. Ждем на постоялом. С Богом.

Глава 5

Твердохлебово спало, иногда перелаиваясь лениво дворнягами, которые выпущенные хозяевами на ночь, старались забиться в свои будки, но иногда подавали голос, возможно проверяя, не околели ли от мороза, который ночью вцепился в село и грыз их сквозь меховые шкуры.

Рядом с постоянным двором, в тени ворот появились два человека с дорожной поклажей и принялись барабанить в них, будя хозяев и поднимая на ноги сторожа, и двух цепных кобелей.

– Кого там несет?– ворчал сторож Матвей, гремя засовами и распахивая боковую, приворотную дверь.

– Матвей, ты ли это?– обрадовался Федор Леонидович.– Здравствуй, голубчик. Правильно ли мы барабаним? Все ли здесь-то постоянный двор? Продрогли, братец, на ветру-то.

– Барин, Федор Леонидыч, нашли-и-ись?– закричал в ответ Матвей, размахивая керосинкой, заплетенной в металлическую сетку.– Радость-то, радость нынче будет. А двор, двор где-е-есть. Как не то? Отсудил Самохвалов племяш у казны. Все честь честью. Хороший мужик, не то что прежний-то Федька, тьфу мать его и вспоминать язык не хочет,– выскочивший из избы новый хозяин, принялся хлопотать с переносом чемоданов, осведомившись о кучере и выслушав версию о ямщике почтовом, который выгрузив умчался, принялся ругать его последними словами и пообещал завтра же донести на нерадивца исправнику.

– Не нужно доносить ни кому, любезный,– осадил его Петр Павлович.– Наша воля была. Вы лучше распорядитесь самоварчик согреть, да поживее. Замерзли, как цуцики.

– Непременно, господа. Проходите в дом. Да он еще и горячий пади. Манька, самовар на стол тащи,– заорал хозяин, проходя вслед за гостями в горницу.

– Как зовут вас, хозяин? Я – полковник Соболев, в отставке нынче. Называйте Петром Павловичем.

– Самохвалов Яков Иванович. Содержу, стало быть, это место и лавка тоже бакалейная под моим, значит, доглядом,– Яков шаркнул ногами в валенках и поклонился в пояс. Получилось забавно, но Петр Павлович сдержал улыбку и скинув тулуп, присел к столу. Поправив фитиль в керосинке, он постучал ногтем по стеклу лампы и спросил Якова:

– А что, Яков Иванович, много ли гостей у тебя нынче?

– Да откель же им быть, Петр Павлович? День будний. Вот в субботу, пожалуй, приедут и тесно будет. А посреди седмицы откель им и быть?– Яков был похож на прежнего хозяина, ощущалось родство. Такой же колобок, но пожалуй еще не добравший за полтора года, той дородности, которую уже имел его дядюшка. Ну, и помоложе лет на двадцать, а потому еще душой зачерстветь не успевший.

– Мань, ну сколь разов повторять-то?– мягко при гостях сделал он все же замечание супруге, которая в отличие от предыдущей хозяйки, оказалась и вовсе росточка небольшого и дородностью не отличалась. Зато была смешлива не в меру и в ответ на замечание, только весело оскалила белые зубки и выставив на стол пыхтящий самовар, принялась расставлять чашки и плетеные корзинки с чем-то сдобным.

– Нынче пост, господа, так вы уж не обессудьте за скудость,– извинился Яков и зашипел на супругу, которая по его мнению, не достаточно проворно поворачивалась.– Мань, что ты спишь-то на ходу?

– Так ить из постели выдернул, аль откеда?– не осталась та в долгу и, пожелав гостям приятного чаепития, убралась на кухню, где что-то в полголоса принялась напевать.

– Вот ведь бабы, аспидово семя,– поскреб затылок Яков.– Ты им слово, оне два,– забре-хавшие снова собаки, заставили его прильнуть к окну и вглядеться в темноту.– Аль еще гости? А ведь впрямь! Конно,– Яков выскочил во двор, накидывая на бегу треух и шубейку. А через

минуту ввалился в горницу Вениамин весь в инее и кинулся к Федору Леонидовичу. Не виделись они в общей сложности минут десять, но обрадовались так друг другу, будто и в самом деле расстались полтора года тому назад.

– Федор Леонидович, как я рад вас видеть!– ревел медведем Вениамин, облапав Академика.

– А уж я-то как рад, вы и представить себе не можете, Вениамин Станиславович,– отбивался от него как мог Федор Леонидович.– Помнишь ли Петра Павловича Соболева – полковника? Дядюшка это твой двоюродный. Отец Михаила Петровича.

– Нет, не помню. С головой у меня что-то. Тут вот помню, а вот тут нет,– вошел в роль Вениамин, стуча себя по голове.

– Да как же так-то, сокол ты наш? Я же от твоих еду, как уговорились. Вот и письмецо везу, а ты где же был-то?– всполошился Федор Леонидович. И Вениамин в двух буквально словах пересказал заготовленную легенду. За перегородкой ойкала, через каждое его слово Маня и открыв рот, приплясывал рядом со столом Яков Иванович.

– Так ты что же, прямо из леса и сюда?

– Нет, не сразу. Сперва хотел в универмаг заскочить за подарками, да вспомнил, что поздно уже. Спят пади все,– Вениамин схватил чашку и налив в нее кипятка из самовара, выхлебал его без заварки.– Может зря еду. Вдруг Мария-то Александровна не дождавшись, замуж ушла. Вот и заглянул на огонек порасспросить, чтобы не оконфузиться. А тут вы...

– Яков Иванович, ну-ка, дружок, расскажите последние сельские новости? Как батюшка с семейством поживают?– Федор Леонидович повернулся к хозяину.

– А, это мы с легким сердцем,– Яков Иванович улыбнулся вполне доброжелательно.– Живут себе. Батюшка уж службы редко служит. Оно и понятно, стареет, тяжело стоять-то. С ногами у него чей-то сталось. Не держат. А матушка Анна еще бойко бегает.

– Ты не тяни кота за хвост, Яш,– подогнал его нетерпеливо Вениамин.– Что с Марией Александровной?

– Будто бы в монастырь собралась по весне уйтить,– почти шепотом сообщил главную, по его мнению, новость Яков.

– Вы ведь как запропали, так на ней с тех пор и лица нет. Школу, конечное дело, она организовала, как следывает и теперича там и без ее догляду все обойдется, но жаль Марию-то Александровну.

– В монастырь?– Вениамин вскочил с лавки.– Я к ней. Вы со мной, дядюшки?

– Да куда же мы теперь тебя одного-то отпустим, коль пропадаешь потом годами?– вскочил на ноги и Федор Леонидович.– Яков Иванович, вы распорядитесь чтобы чемоданы наши дорожные где-нибудь пристроили, ну а саквояжики мы уж сами донесем. А утром отправьте с людьми их к батюшке на подворье. Вот тебе, голубчик, за труды. А работничкам я завтра отдельно заплачу,– Федор Леонидович сунул в руку Якова сто рублей и тот увидев сколько ему предлагают за пустячную заботу, принялся отнекиваться и отталкивать руку Академика.

– Дают, бери, Яков Иванович,– скомандовал Петр Павлович.– Закажи вон заупокойную за всех невинно убиенных на бранном поле, да супруге подарок на остальное купи. Что это она у тебя ходит растрепой?– Петр Павлович сунул еще одну сотенную Якову и добавил резко и категорично.– Это приказ.

– Слушаюсь ваше высокопревосходительство,– вытянулся в струнку никогда не служивший в армии Яков.

– Вот так-то лучше. Проверю, учти. Мария, подь ка сюда, красавица,– появившаяся моментально супруга Якова с красными от слез глазами, виновато заморгала, сморкаясь в тряпицу.

– Ну, что это с вами, голубушка? Видите, как все хорошо в жизни складывается?

– Машеньку жаль. Мы с ней в школе вместе учились, целых два года рядом сидели, – захлопала носом Маня.

– Две Марии стало быть? Уж не Александровна ли и ты, голубушка?

– Нет, тятя у меня Иваном прозывается – Ерофеичем. Урядником на селе был.

– Вот оно как. Слыхали. Ну, поклон от нас Ивану Ерофеевичу, когда увидишь. – Держи и ты сотню. Праздник у нас нынче, – протянул ей деньги Петр Павлович. – Но ты, Яков Иванович, про них забудь. Это Марии Ивановне, чтобы родителей уважила. Все, уходим, провожай.

У ворот дома Настоятеля храма, Вениамин долго стоял, не позволяя спутникам стучать в них. Повернувшись в сторону церковных куполов, он долго крестился на них, с поясными поклонами, приводя в изумление стоящих молча рядом "дядюшек", не подозревавших до сих пор, что их племянник столь набожен. Но мешать и одергивать не решались, терпеливо переминаясь с ноги на ногу. Мороз в эту ночь декабрьскую бил наверняка все рекорды и Петр Павлович слегка начал приплясывать в своих ботфортах, которые надел хоть и с шерстяным носком, но ноги начинало прихватывать.

– Все, я готов. Господи, помоги! – наконец обрадовал "дядюшек" Вениамин и открыл незапертую калитку. Быстрым шагом прошел через двор, скользя по вытоптанной тропинке и загремел одереженными валенками по крыльцу.

– То не затолкать, то понесся ровно жеребец необъезженный, – ворчал сзади Петр Павлович, ловя подскользнувшегося Федора Леонидовича за ворот пальто. А Вениамин уже дергал за шнур и колокольчик заливался, валдайским звоном, поднимая на ноги семью батюшки Александра.

– Кто в такую пору? – раздался голос тревожный матушки Анны за дверью и Вениамин ответил не сразу, уткнувшись лбом в нее и пытаясь проглотить внезапно вставший в горле ком.

– Кто там? – повторила опять матушка и Вениамин, собравшись с силами, ответил дрогнувшим голосом:

– Я это, Анна Лукьяновна, – голос его сорвался, а за дверью началась возня, громко что-то упало со звоном и дребезгом, а потом она распахнулась на всю ширину и перед Вениамином предстала Машенька, простоволосая, в наброшенном на ночную сорочку полушубке и с бледным лицом.

Вениамин не мог вспомнить потом, как он шел в дом и что говорил ей, а опомнился уже за столом в окружении вдруг ставших ему родными людей, которые сустились вокруг, стаскивали с гостей продубевшую от мороза одежду, обувь и что-то все спрашивали, смеясь и радуясь все сразу. Никто, похоже, никого не слушал, все просто были безумно рады, что пропавший Вениамин наконец-то нашелся, да не один а вместе с Федором Леонидовичем. Да и еще одного дядюшку привел. Батюшка Александр, забыв о своем сане священника, хохотал над казарменными шутками Петра Павловича и уже по-свойски хлопал его по спине. Девушки принялись накрывать на стол, не слушая возражений и наставили на него столько всякой снеди, забыв что на дворе рождественский пост в самом разгаре, что даже Вениамин, который не сводил глаз с невесты и тот замахал руками:

– Куда вы столько натаскали? Нас пока только трое?

– А что, следом еще кто-то должен быть? – батюшка Александр остановил мечущуюся вокруг стола матушку.

– Еще трое, – Петр Павлович, приложил палец к губам и тихо отвел его в сторону. – Нам бы Марию-то Александровну и Вениамина Станиславовича оставить наедине. Пусть поворкуют в светелке. Пока мы чай с вами гонять станем, – шепнул он на ухо батюшке и тот соглашаясь, закивал. Молодых оставили в покое и они ушли в комнатку Машеньки, где долго сидели взявшись за руки, глядя друг на друга и ничего не говоря. В общем лгать Вениамину не пришлось совсем, а вот Федору Леонидовичу и Петру Павловичу пришлось напрячь свою фанта-

зию, чтобы не попасться, отвечая на каверзные вопросы батюшки, оказавшегося дотошным и въедливым сверх всякой меры.

– Документы не заставил показать и то Слава Богу, – шутил потом Петр Павлович, вспоминая ту ночь и посиделки за шкворчащим самоваром. Впрочем все остальные члены семейства так же не давали гостям рта закрыть, засыпая вопросами и о Вениамине, и о Федоре Леонидовиче. Особенно подросшие младшие дочери Акулина и Дашутка, надели на Федора Леонидовича, услышав про то, как он плыл в Америку к родителям Вениамина и попал в шторм.

– Ох, страсти-то какие! – ахали девчата в два голоса хором и хором задавали следующий вопрос, вспотевшему Федору Леонидовичу.

– А дикие-то, они что же вас съесть хотели? Говорят, там людоедство по сию пору очень обыкновенно в обычае.

– Худой я был, когда на берег выполз, девоньки. Людоеды, как увидели меня, так всей деревней неделю сначала плакали от жалости, потом полгода опять же всем миром откармливали, – отшучивался Федор Леонидович.

– А они какие? – допытывалась Акулина, уже вполне заневестившаяся девица. – Страшные пади?

– Ну, как тебе сказать, Акулина Александровна. Нормальные люди. И смеются, и плачут так же. Просто там солнце круглый год, а зимы нет вовсе, вот они и ходят загорелые до черноты. Замучили вы меня расспросами. Давайте я в школу лучше вашу приду и лекцию о южных странах прочту.

– Ура-а-а! – закричали в два голоса сестрицы, а Федор Леонидович, полез в свой саквояж и принялся, не вникая особенно в то, что попадает ему под руки, одаривать всех подряд. Пока Петр Павлович его не дернул за рукав и не прошептал на всю горницу:

– Федор Леонидович, родное сердце – это вы нож охотничий Дашутке преподнесли, как бы на большую дорогу не вышла опосля с ним. Вы уж рассортируйте как-нибудь, – под хохот домочадцев, посоветовал он.

– Ох, Дашенька, прости меня старого дурака, – принялся извиняться перед смеющейся Дашуткой Федор Леонидович, забирая у нее нож в ножнах и пряча его обратно в саквояж. – Я думал, что прятка это. Петр Павлович, голубчик, что же вы мне в саквояж, что ни возьми, только для мужчин предназначенное наложили? Не удобно, право слово. Вот уж и девицы хмурятся, впору от них бежать, хоть и на дорогу эту, – крыша батюшкиного дома вздрогнула от хохота, а из светелки наконец-то появились Вениамин с Машенькой, улыбающиеся и так и держащие друг друга за руки.

– И что такого смешного я сказал? – притворно сердился Федор Леонидович. – Чисто дикари ржут. Вениамин Станиславович, угомоните Петра Павловича, совсем он меня перед семейством батюшки Александра оконфузил. Хотел вот подарками одарить, а что ни достану, все или на электробриту наткнулся или вон на кинжалище. Да это не нож – это прямо меч-кладенец. Чуть вон Дашутка на большую дорогу с ним не ушла. Где тут эта дорога, не знаешь ли? – Вениамину было не до дорог, он чувствовал в своей ладони, ладонь Машеньки и улыбался глупой, счастливой улыбкой.

Ночевать остались у батюшки в доме, а к обеду следующего дня, примчались на тройках с бубенцами остальные концессионеры, выловившие в Питере экс-урядника и привезшие его с собой. Иван Ерофеевич был слегка пьян и все время порывался объяснить Сергею, как он его уважает. Почему-то именно он ему полюбился больше других, возможно потому, что выдернул его на Невском из трактира, где бывший урядник проводил розыски пропавшего Вениамина и его дядюшки, опрашивая завсегдатаев. Подсел и выложил сразу столько информации, что Иван Ерофеевич от радости велел половому обнести всех присутствующих дармовой чаркой и кинулся обнимать Сергея. Очевидно, в этот момент и зародилась у него эта симпатия. Сергей стойко переносил, эти душевные порывы экс-урядника и шипел в ухо Михаилу: – Мне,

как минимум, положено пару степеней на значок Орла или Кобры, или на оба сразу. Этот увальень мне уже все плечи отбил,— у Ивана Ерофеевича действительно оказалась очень вредная привычка, хлопать собеседника по плечу, втолковывая ему свою точку зрения. Выскочив у ворот батюшки Александра, он наткнулся при входе на Вениамина с Федором Леонидовичем и обрадовавшись, кинулся охлопывать и их, причем одновременно обоих, укоряя за то, что скрывались от него целых полтора года.

— Я весь город на четвереньках прополз, ну нету нигде. Кто видел? Кто что знает? А никто не видал. Что за оказия?— сетовал он, вцепившись сразу в обоих, будто опасаясь, что они снова исчезнут.

— Нашлись же, Ерофеич. Все, закончились твои мучения,— поддакивал ему Вениамин, оглядываясь на стоящих сзади

Петра Павловича и батюшку Александра.— Отпусти уже, ни куда я не убегу теперь.

— Эх, Вениамин Станиславович, да разве я за жалование старался? Мне за семейство батюшки было горько. Ох, ти мне!— качал Иван Ерофеевич сокрушенно головой в бекеше и при этом так приложился несколько раз по Вениаминову плечу, что тот подумал, а не активировать ли защиту, пока не дай Бог ключицу ему экс-урядник не сломал. Наблюдающий за ними Сергей, улыбался и подмигивал Вениамину заговорщицки, искренне радуясь, что временно выпал из поля зрения экс-урядника.

Глава 6

Сватовство состоялось днем позже и прошло чинно, под присмотром Силиверстовича, который взялся быть распорядителем и как оказалось, подготовился к этой роли главного свата скрупулезно. Он не поленился и ознакомился с обычаями этих волостей России, поэтому сам вязал полотенца на Федоре Леонидовиче и Петре Павловиче, вертя их как манекены и тпрукая, как на лошадей. Соратники терпеливо сносили его издевательства, понимая, что ударить лицом в грязь принародно нельзя. Сыпали пшено, когда было велено и швыряли мелкую монету в стайки любопытной местной молодежи. Всяких обязательных приседаний оказалось столько, что Силиверстович и сам в них запутался в итоге и махнув рукой в конце церемонии, за столом сцепился с Иваном Ерофеевичем по вопросу приготовления медовухи. Экс-урядник оказался в этом деле дока и встретив родственную душу, так обрадовался, что забыл о Сергее и Вениамине напрочь, вцепившись исключительно в Силиверстовича. Хлопать себя по плечу Силиверстович моментально отставного урядника отучил, перехватив его руку и хлопнув его так, что у того рука отнялась напрочь и до конца праздничного застолья, едва могла донести до рта очередную кружку медовухи. Пост рождественский был в самом разгаре, но в этот день решено было сделать исключение и гости сидели за столом совсем не с постными физиономиями. В итоге, стороны пришли к соглашению свадьбу отгулять по весне, как только сойдет снег и просохнут дороги.

– Оно, конечно, лучше осенью, после уборочной страды, но боюсь, что наш добрый молодец не вынесет столь долго. Жаль парня, – резонно заявил Силиверстович, с удовольствием посматривая на смущенную парочку, сидящую прямо напротив него. Машенька ему понравилась с первого взгляда еще на видеоролике и теперь он радовался за Вениамина и за нее, как за родных.

– Приедем всем кагалом к вам на свадьбу с детишками, женами и соседями, – грозился он, подливая Ивану Ерофеевичу в его кружку пенящийся напиток.

– Непременно, чтоб все соседи тут были, – соглашался тот покладисто, морщась от боли в отбитом плече.

Оставив Вениамина в Твердохлебова, пообещав появиться с семьями дня за два до венчания, его "родственники" отбыли в начало двадцатого века, в котором "время оказалось столь целебным" для Михаила и Сергея.

– Что делать будем? Возвращаться в Москву в прошлый век и разрешить женщинам мотаться в 21-ый, сообщив что разделались наконец-то с этой "шестеркой" или сначала ликвидируем потенциальную угрозу? – Петр Павлович поправил одеяло на ложе Михаила, в которое тот прилег, как только вернулся в лазарет. – Как самочувствие, сын?

– Нормально, но что-то мне не нравится та легкость, с которой все произошло, – признался Михаил. – Я боюсь теперь 21-го века. Возврата в него. Вдруг опять обездвижусь и что тогда?

– Может, потерпишь, месячишко там? Сергей вон как быстро в себя пришел еще там. Ты как, Серега, тоже боишься 21-го?

– Я? Да как сказать? Не очень-то уже и болело. Ноги чуток еще бы подзажили и чего мне-то? А вот Михаилу... На его месте у меня тоже мандраж бы непременно имел место. Попробовать нужно и не откладывая. Чего гадать? – Сергей принялся копать с цилиндрами, набирая коды. – Держись, Миха, сейчас все выясним.

Как и опасался Михаил, в веке 21-ом он опять превратился почти в беспомощную куклу и долго бормотал проклятья, а все остальные сочувственно вздыхали, собравшись у его постели.

Сергей хоть и охнул пару раз после перемещения, но заявил, что вполне терпимо себя чувствует, а потом завалился на противоположный матрас и почти мгновенно уснул.

– Что это за заклинание такое, про которое Вениамин у админов так ничего толком и не выяснил? Федор Леонидович, у вас в музейной библиотеке ничего нет по этому поводу?– Петр Павлович вывел каталог книг на дисплей.

– Есть или нет – это я не могу сказать, так как за то время, что разбираюсь с наследием предков, копнул только сверху процентов пять от общего количества. Да и интересовала меня магия эта в последнюю очередь. Есть в собрании этом и личная библиотека Рерюфа, но ведь Вениамин выяснил доподлинно, что заклинание это передавалось из уст в уста так сказать, с последним выдохом.

– Ну, пусть не само заклинание, так хоть как ему противодействовать может есть информация? Не может такого быть, чтобы был меч и не было щита. Так не бывает по законам Природы. Леонидович, займитесь. Хотя бы выясните сколько нам ждать окончания этого воздействия на организм,– буквально взмолился Петр Павлович.– Я и сам сяду к монитору, но язык пока освоил недостаточно и потому буду медленно двигаться. А вы у нас успехи в этом направлении сделали просто заоблачные. Постарайтесь и просите потом что хотите, я ваш должник.

– Уговорили, голубчик,– Федор Леонидович лукаво прищурился.– Право не знаю, что и востребовать.

– Что угодно. Хотите в квартире вашей питерской полы натру?

– Вы хотите сказать, что у меня там полы безобразные? Давно ли заходили вы ко мне, Петр Павлович?

– С неделю назад был последний раз кажется.

– Давненько. Полы я давно уже новые настелил. Поменял паркет полностью во всех помещениях.

– Когда вы это успели, Федор Леонидович? Что-то и рабочих я у вас там не видел ни разу.

– А зачем мне они, при моих-то возможностях,– Федор Леонидович, погладил многозначительно браслет на своей руке.

– Вы хотите сказать, что сами паркет заменили?

– Именно, батенька, и получилось весьма недурственно, смею вас уверить. Полдня потратил, но такие натуральные изобразил, что своим глазам, оставшиеся полдня, поверить не мог.

– Ну, тогда не знаю, что вам и предложить,– Петр Павлович взглянул на сына.– Слыхал, что наш Академик уже делать умеет?

– Вы все, я смотрю, делаете успехи, а что там за заклинание?

– Рефелюца, якобы передаваемое главой СС, своему преемнику посмертно с последним выдохом. Будто бы силищу оно имеет запредельную, но раз в день. С помощью этого заклятья, похоже, тебя и оглушили там в гараже. Вот я и прошу Федора Леонидовича порыться в библиотеке.

– Понял,– Михаил задумался, нахмурившись.– Если это так, то возможно, что нас впереди ждут еще множество сюрпризов от этой команды любителей жить вечно. Что там группа Васькина сообщает о местонахождении индивидуального СТН-а Рерюфа, Леонидович?

– Нет сигнала. Они сузили поле, но все равно площадь его весьма и весьма велика. Практически весь центр города. Иголку в стоге сена, пожалуй, было бы сыскать проще. Притих, мерзавец. Выжидает.

– А что с СТН-ами на Луне и Венере делать будем?

– Есть идея у меня на этот счет. А не забросить ли нам туда "прапоры"? Если "шестерка" смогла там местных расшевелить, то почему нам не пойти по тому же пути, ими проторенному и не вытащить эти "чертовы табакерки" сюда с их помощью?

– Хорошая идея, Павлович,– Федор Леонидович оторвался от экрана.– И почему она никому не пришла в голову раньше?

– Главное чтобы аппаратура сработала без сбоев. Я немедленно займусь этим, а вы Федор Леонидович, не отвлекайтесь. Это вам не паркет укладывать, тут нужно со всей внимательностью и ответственностью подойти к процессу.

– Слушаюсь, господин полковник,– козырнул неумело Академик, рассмешив Михаила.– Не извольте сумлеваться, со всем нашим старанием, внимательно будем искать. Найде-е-ем.

– Вот за что я вас ценю и люблю, Леонидович, так это за оптимизм. Да-а-а-а, ваше поколение – это нечто. Не то что нынешнее племя,– Петр Павлович занялся выяснением возможностей аппаратуры по перемещению объектов в космосе и через полчаса радостно объявил, что ему удалось получить "добро" от админов на осуществление перемещения роботов на Луну и Венеру.

– Прямо сейчас и отправлю. Через час, сынок, эти чертовы СТН-ы, надеюсь, что будут здесь,– Петр Павлович подобрал двух "прапоров" и долго вдабливал им их задачу, заставляя повторять их ее по несколько раз.

– Готовы! Пошли,– отправив их с авто-возвратом через три часа назад, он радостный, от удачно проведенного начала операции, помчался на кухню, где собственноручно сварил кофе и притащив его в джезве, принялся разливать по чашкам, даже не спросив, хотят ли его соратники кофейку. Это было само собой разумеющееся дело и разлив по чашкам напитков, Петр Павлович так же не спрашивая мнение их, сунул каждому в руку по фарфоровой кружечке.

– Вот этот кофе приготовлен по моему личному рецепту, такой вы никогда не пили,– заявил он.– Прощу.

– Ну, я-то точно никогда не пил. Я вообще чай люблю, а эту горечь не понимаю,– скринулся Силиверстович, но чашку все же взял и даже понюхал напиток.

– Что чай. Кофе это запах домашнего очага и уюта. Кофе это... В общем в нем 2-е тысячи вкусо-оттенков и все разные. У меня они все сохранены. Пейте. Федор Леонидович, а вы почему поставили вашу чашку?

– Горячий, Павлович, пусть поостынет и тут у меня место очень увлекательное, как раз касательно, кажется, заклинания этого Рефелюцевского,– ответил Академик.

– Ну-ка, ну-ка, что пишут?

– Автор этого пособия по изучению и применению прикладной магии в народном хозяйстве – некий Лейдостополец Древлянин Старх, видимо случайно упоминает об этом заклятии. Здесь есть попытка удалить информацию, но она восстанавливается без труда и очевидно тот цензор, который этим занимался был либо разгильдяй, либо член Сопротивления. Так или иначе, но информация следующая. Саму природу этого заклятия Старх не берется объяснять, а вот последствия описывает достаточно подробно. И судя по его заверениям, Михаилу очень повезло. Он отделался можно сказать испугом. Обычно в результате этого воздействия, тот кто воздействовал, может сделать с объектом воздействия все что угодно. Превратить в послушного раба, например, или просто тривиально уничтожить. Выброс М.Э, при заклятии такой мощный, что подавляет любой самый запредельный уровень. Тысячи единиц. Защиты от этого нет, как заверяет Старх, но... на Йотти оно не действует почему-то. И может быть эта их способность так же явилась одной из причин геноцида вида?

– Йотти? Опять эти Йотти. Что еще существенного заявляет этот Лейдостополец?– Петр Павлович буквально навис над Академиком.

– Все. По его мнению Йотти имеют врожденный иммунитет против заклятья.

– Мы не Йотти. У нас его нет. Ищите, Федор Леонидович, и пейте ваш кофе он совсем холодный уже,– разочарованно вздохнул Полковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.